

ПОЛНОЕ ЛЕДЯНОГО СТРАХА
ПОГРУЖЕНИЕ В МИР ТЬМЫ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

ЕВГЕНИЯ ЕГОРОВА

РАССВЕТ ПОЛУНОЧИ

ЧАСТЬ I

Евгения Егорова
Рассвет полуночи. Часть I

«Автор»

2021

Егорова Е.

Рассвет полуночи. Часть I / Е. Егорова — «Автор», 2021

Фантастический хоррор-роман о совершенной трансформации и любви, неподвластной времени и пространству. Жестокое убийство миллиардера приоткрывает перед нами дверь, ведущую в таинственный Мир Тьмы. Достаточно ли вы смелы, чтобы шагнуть в реальность, где вас встретят самые опасные существа? Готовы ли вы пройти через густой мрак, чтобы прикоснуться к тайне человеческого бытия?

© Егорова Е., 2021

© Автор, 2021

Евгения Егорова

Рассвет полуночи. Часть I

В память о моей дорогой бабушке, Кособоких Анне Михайловне, которая была не только человеком с сердцем, наполненным до краев любовью, но и сильной женщиной – она показала, как пройти через самую дремучую тьму к свету.

Декабрь 2021 года

Глава I. Багровый дождь

А что важнее человеческой жизни?

Жизнь – это всё, что есть у каждого из нас.

Гарри Гаррисон

Кто бы мог подумать, что судьба сыграет такую жестокую шутку с преуспевающим бизнесменом Джошем Харрисом? Что эта злодейка заведет в один из самых темных закоулков... Где же была его железная предусмотрительность? Как с его холодной головой он оказался в сотнях миль от Сан-Хосе, где не услышит ни одна живая душа?

Он не запаниковал, когда в условленном месте в назначенный час не оказалось курьера с посылкой. Не запаниковал, когда из ниоткуда появилась омерзительная тварь и утащила в объятия ночи одного из телохранителей. Паника наступила, когда двери его джипа оказались заблокированы, в то время как второй охранник нещадно опустошал магазин пистолета.

Слыша предсмертные, леденящие кровь вопли раздираемого на части телохранителя, Джош Харрис направил дуло Desert Eagle[1] в поток дождя и крикнул:

– Покажись, тварь!

На его бледном лице читался дикий ужас.

Ливень заглушил угрозы. Теперь Джош не был тем пугающе властным миллиардером, каким его видели все, с кем он имел дело последние двадцать пять лет. Он был жертвой. И понимал это. Всё, что оставалось, так это не поддаваться панике. Мужчина все еще пытался восстановить в голове список недоброжелателей. Возможно, ему бы и удалось это сделать, если бы смерть так явно не дышала ему в лицо.

Он всеми силами сдерживал дрожь, в то время как крики людей обрушивались на него вместе с дождем.

В какую-то долю секунды он пожалел о своем героизме. Нужно бросить пистолет и, вскинув руки, взмолиться о пощаде. Но эти мысли тут же разлетелись от прогремевшего выстрела.

Второй телохранитель стоял на коленях и держался трясущимися руками за горло, из которого фонтанировала кровь. Джош Харрис выстрелил в боковое стекло и принялся выбивать оставшиеся осколки локтем.

Он был уже готов к тому, чтобы втолкнуть свое массивное тело в машину, но вдруг остановился. За спиной стоял убийца.

– Ты совершаешь глупость, – твердо произнес Харрис. – Сколько ты хочешь? – С этими словами он обернулся.

От увиденного у мужчины пропал дар речи. Он застыл от страха.

Существо смотрело на жертву. Его пасть расплзлась в некое подобие улыбки. Доведенный до отчаяния человек с бешеным сердцебиением, вспученными венами, бегающими глазами, обливаемый потом и все еще надеющийся на спасение, – всё это доставляло ему удовольствие.

– Я дам вам гораздо больше! – взмолился мистер Харрис. Но тварь лишь ехидно улыбнулась в ответ. – Сколько ты хо... – Последние слова потонули в пене из пузырящейся крови, и тело бизнесмена повалилось на землю.

Убийца держал в острых когтях голову жертвы. Он вращал ее с любопытством, будто пытался разглядеть каждую черточку жалкой гримасы столь влиятельного некогда человека.

[1] Самозарядный пистолет крупного калибра. (Прим. ред.)

Глава II. Похищенная

Раскаленная игла пронзила Сатин, вырвав ее из черной пустоты.

Едва заметная попытка к сопротивлению вызвала невыносимую боль, будто ее тело сшивали огненными нитями, которые лопались, словно струны, повергая в еще большую агонию. Девушка словно горела заживо. Где-то совсем близко она видела размытые красные и желтые огни. Чьи-то руки сжимали ее, словно игрушку. Она чувствовала их прикосновения кожей. Холодные пальцы касались то ее живота, то лица.

В висках бешено стучал пульс. Во рту ощущался горьковатый химический привкус. Глаза жгло так, словно в них закипали слезы.

Вскоре адское пламя охватило ее полностью. Содрогаясь в конвульсиях, она оказалась во власти невыносимой лихорадки.

Сатин слышала стук собственных зубов. Ее била дрожь. Сильнейшие спазмы сжимали внутренности.

Острая боль пронзала до кончиков пальцев.

Обливаясь потом, она испытывала муки, сравнимые разве что с пытками каленым железом.

Она кричала так, что уже не слышала собственного голоса. Это делало ее мучения еще более яростными.

Голова была готова взорваться от ужаса. Сердце колотилось, пытаясь пробить собой грудную клетку, которая сжималась в приступе удушья. Страдания заглушали разум, отдаваясь покалываниями в позвоночнике.

Боль ненадолго затихала, словно давала передышку. Затем возвращалась вновь.

За отпустившими ее спазмами последовала рвота.

Ноющая грудь требовала порцию воздуха. Но стоило сделать вдох, как ее накрыл следующий приступ.

Она чувствовала, как пересохло во рту, язык окостенел, потрескавшиеся губы разжались.

Со следующим вдохом из легких вырвался пустой гортанный звук и оборвался на хрипе. Способен ли человек вообще издавать подобные звуки? Застыв с полуоткрытым ртом, Сатин жаждала попасть туда, где не было страданий.

Вскоре она почувствовала, как земля засыпает лицо.

Темнота.

Земля, пропитанная кровью, сыпалась в открытый рот.

Темнота.

Ее грудь вздымалась от рвущихся наружу криков. Дышать становилось всё труднее и труднее, запас кислорода иссякал. Перед глазами снова замерцали круги из ступков желтого и красного. Вернулась боль, удерживавшая девушку в сознании, но вскоре Сатин ее уже не чувствовала, лишь видела вспыхивающие огни, меняющие цвет.

Откуда-то издалека она услышала протяжный хриплый крик. И поняла, что этот крик – ее собственный. Кто-то снова включил подачу кислорода.

Захлебываясь отчаянием, она всё глубже погружалась во тьму. И Сатин унесло в измерение, где уже не было боли, жара и лютого холода.

* * *

Во рту ощущался привкус недавней рвоты, крови и земли. На зубах скрипел песок.

Голова и всё тело были болезненно тяжелыми, холод медленно проникал в каждую клеточку. Сатин не чувствовала рук и ног: они как будто были придавлены грузом. Ее тело, оцепеневшее и беспомощное, лежало в сырой темноте, словно застывающий цемент.

Сделав вдох, она спровоцировала новый приступ боли, которая жалила, подобно сколопендре.

Последовали спазмы.

Из горла вырвались странные звуки, похожие то ли на вопль болотной птицы, то ли на звериный стон.

Боль то затухала, то усиливалась, то исчезала, будто и не было. Но в какой-то момент возвращалась и была настолько невыносимой, что центр мозга, отвечающий за болевые ощущения, уже не подавлял ее. Сатин просила только одного: избавления от страданий. Смерти.

Она была парализована осознанием своей незащитности. Не было сил бороться. Не было сил кричать. Но упрямая душа продолжала крепко держаться за *это* тело.

Наконец, Сатин потеряла сознание.

Сны, смешавшись с воспоминаниями, унесли ее в мир абсурда, постепенно переходящего в кошмары, которые с каждым разом принимали всё более реальные очертания.

Среди многочисленных кошмаров ее преследовала сцена, где ужасное существо вновь и вновь убивало отца. Голова Джоша Харриса, подброшенная вверх, как бейсбольный мяч, описывала полукруг и исчезала в темноте. В калейдоскопе галлюцинаций Сатин уже перестала осознавать, где грань между реальностью и видениями.

Приходя в чувство, она обнаруживала себя во власти тьмы, которая то окатывала ее ледяной водой, то кидала в жар невыносимого пламени.

* * *

Сатин проснулась, словно от внутреннего толчка.

В затхлом воздухе, от которого першило в горле, стоял острый запах бетона, отсыревшей штукатурки, земли и сгнившего дерева.

Девушка различала звуки проезжающих машин (значит, недалеко от дороги), свист ветра и редкие, едва слышные удары собственного сердца. Все эти звуки, соединившись в ужасающую симфонию, сковали тело ледяной клешней, не позволяя пошевелиться.

Она всё еще улавливала отголоски боли, за которой каждый раз приходила тьма.

Страх сжимал внутренности. В животе урчало, там будто всё туже и туже завязывался узел.

Ощущая под собой шершавый пол, Сатин попыталась открыть глаза. Но что-то не давало это сделать. Что-то покрывало веки.

На руках уже не лежал груз. Осторожными движениями она принялась вытирать с лица засохшую слезу. Вскоре смогла открыть глаза и начала всматриваться в темноту. Мрак постепенно рассеивался. Слабый свет, пробивающийся через щель под дверью, позволил увидеть очертания комнаты.

«Неужели это всё происходит наяву? Или это всего лишь ужасный сон?» – подумала она и прикусила язык, отчего почувствовала легкое покалывание.

Пленница издала протяжный стон, чем-то похожий на металлический скрежет.

В это же мгновение вернулась боль, сопровождавшая каждое движение.

Во рту опять начался нестерпимый зуд, от которого загудела голова. Сатин почувствовала привкус крови. Острым предметом во рту оказался остаток зуба. Она провела языком по остальным зубам и обнаружила, что многие шатаются.

В ужасе девушка согнулась и протяжно закричала. Охватившая ее паника спровоцировала новый приступ тошноты. Из рта вышла склизкая жидкость.

Сатин еще сильнее ощутила запах мокрого кирпича, изъеденного грибом, вонь дерьма и собственных рвотных масс. От этого ее бы стошнило еще несколько раз, но пустой желудок только прерывисто сжимался.

Не в силах унять дрожь, захлебываясь стонами, она лежала на бетонном полу и молила бога о том, чтобы он прекратил ее мучения.

Перед глазами снова разверзлась пропасть, где не было ничего, кроме плотной, надвигающейся со всех сторон тьмы. Среди пугающих видений, настойчиво врываются в сознание, она стала медленно погружаться в забытие. Сон это или смерть? Все равно. Лишь бы прекратилась адская боль.

Так Сатин и лежала, вслушиваясь в тишину, которую нарушали лишь слабые удары сердца и жуткие звуки из желудка. Сердце служило метрономом, позволяющим вести временной отсчет. Но вскоре удары стали затихать. И после очередного едва слышного звука ее накрыл туман.

Жизнь медленно угасала в ней.

Боль отступала.

Приходя в сознание, она лежала, боясь пошевелиться, и смотрела в пустоту. В такие моменты Сатин отправлялась скитаться по закоулкам сознания. Сквозь наплывы мыслей она то и дело падала во тьму, все глубже уходя внутрь себя.

Страх предстоящих мук и смерти уже оставил ее. Это были одни из тех редких минут, когда в голову не лезли кошмарные видения, доводившие до мучительной экзальтации. Ее стали навещать воспоминания.

Лежа во тьме, девушка вспомнила о бабочках, которых ловила, затем убивала, протыкая иголками, и складывала в коробочку из-под чая. Она не придавала значения смерти этих маленьких созданий, которые бились в ладонях, оставляя на месте гибели крупинки пыльцы с хрупких крылышек. Маленькой Сатин лишь хотелось сделать что-то красивое своими руками: пусть высохших насекомых мастер посадит на клей, обработает, чтобы в них не заводились личинки моли, и завершит картину нарядной рамочкой. Но коробочка с потертой надписью DAMMANN так и осталась покрываться слоями пыли где-то на чердаке. Было ли у нее право лишать их жизни, даже если та казалась несущественной? Как можно распоряжаться жизнью того, кому ее дал не ты? Только сейчас Сатин поняла, что оказалась такой же бабочкой. И возможно, поэтому частично мирилась со своей прискорбной участью. Ведь каждый получает то, что заслуживает.

Гробовую тишину нарушало редкое сердцебиение. После очередного робкого удара сердце замирало, и казалось, что это последний толчок перед тем, как она шагнет в долину мертвых. Да. Сатин верила в загробный мир, духов и призраков. И в детстве часто пугала ими подруг.

Наверное, она была все еще жива благодаря деньгам и связям. Ведь многие проблемы решаются с их помощью. Зерно надежды было готово упасть и пустить корни в глубине ее души, но далее последовала мысль: «Или именно из-за денег и связей жестоко убили отца и похитили меня?» В любом случае и то и другое в одночасье потеряло ценность здесь... в этом подвале.

В круговороте размышлений она оказалась выброшена на безмолвный пустырь, где постепенно всплывали воспоминания, подобно останкам затонувшего корабля в черной пучине, размывавшей и искажавшей их.

«Как я оказалась на заброшенной стройке, где маньяк учинил всю эту резню? – вспышка в мозгу обернулась интуитивным прозрением. Перед внутренним взором всплыл таинственный персонаж. И новая догадка укрепилась в сознании. – Вероятно, именно он замешан в этом...»

Практически отчаявшаяся, девушка была не в силах сопротивляться и мысленно просила мрак унести ее обратно в море забытия.

* * *

Тихие шаги разбудили Сатин. Она открыла глаза и увидела серые стены, бетонный пол, железную кривую дверь без ручки. Комнату освещала темная лампочка, заляпанная грязью.

В воздухе по-прежнему остро ощущался запах плесени, пожирающей стены, и сырости.

Наконец-то в тусклом свете она увидела свое тело. Бледная кожа была черной от въевшейся в нее земли.

Сердце издало тихий стук. Значит, все еще жива.

От осознания того, что ее похитили, но не убили, Сатин стало легче. Она невольно вздрогнула, все еще ощущая на себе холодные пальцы маньяка. В горле встал комок боли. Она издала сдавленный вопль.

Приподнявшись на правом локте, девушка стала всматриваться в пространство. Глаза привыкали к свету, мутная пелена окончательно растворилась, и она увидела комнату во всех деталях.

Повсюду виднелись следы борьбы предыдущих жертв. Это были кровавые подтеки и брызги, царапины от ногтей и их обломки, клоки волос в углах, зубы.

Она попыталась встать, но почти не чувствовала ног и рук, словно их заменили протезами. Ей стоило невероятных усилий поднять свое почти невесомое тело. Все-таки поднявшись на ноги, Сатин прислонилась к стене и простояла так несколько минут, дрожа всем своим существом, после чего направилась к двери.

Рядом с металлической дверью был небольшой закуток. Стены с облупившейся штукатуркой, тот же бетонный пол, расколотый ржавый унитаз.

«Заложница...» – подумала она, и дикий страх прокатился по телу. Из рта выпал еще один зуб. Десны вспухли и заполнили рот, подобно вязкому желе.

Сатин тихо зарыдала и, коснувшись спиной стены, сползла по ней вниз.

Посмотрев на ноги, непривычно тонкие, словно чужие, она увидела на ступнях рваные островки пурпурных узоров. Девушка была готова закричать. Выпустить из себя хотя бы часть той переполняющей ее боли. Но этим спровоцировала бы ЕГО. Этого монстра, сотворившего с ней такое. А может, действительно, следует закричать? Своим молчанием она лишь оттягивает это режущее тупым ножом ожидание. Ожидание неизбежного конца.

С губ сорвался слабый стон, который едва нарушил мучительную тишину. Но крик так и не вырвался.

Тут же Сатин почувствовала злость на собственное бессилие перед внешними обстоятельствами. Она пришла в отчаяние и задрожала.

* * *

Растерянный взгляд Сатин блуждал по четырем стенам, то и дело останавливаясь на железной двери. Он произвольно выхватывал мелкие детали обстановки. Мысли путались под влиянием страха. Девушка словила себя на том, что в очередной раз уперлась взглядом в холодную металлическую преграду, думая, какой оглушительной может быть тишина, которую не смеет нарушить ни единый звук. Хотя иногда торжественное безмолвие все же нарушали шум машин и загробные звуки в голове.

На Сатин была чья-то одежда, резко пахнущая кислым потом и сигаретным дымом. Она предалась размышлениям: «Жива я или нет? Какого рода пыткам меня подвергли? Ищут ли меня? Или считают бесследно пропавшей? Бесследно пропавшей дочерью одного миллиардера, о которой скоро все забудут. А может, уже забыли... Как же мама? Отчаялась ли она? Смирилась ли со смертью единственной дочери? А родные? Продолжают ли они верить, что я все еще дышу? Ведь если бы меня хотели убить, то уже бы сделали это. Какова причина этого заточения? Меня обязательно найдут! Может, уже скоро я услышу, как эти двери взламывают служители закона...»

Пока же единственным свидетелем был паук. Тонкие лапки, покрытые мелкими волосками, несли его вздувшееся тельце вдоль противоположной стены. Погас свет.

Уставившись в темноту, девушка была охвачена шемющим осознанием несбыточности своих планов. Для чего всё это было нужно? Школа. Колледж. Университет. Бизнес. Все повторяющиеся изо дня в день старания, порядок, будто заданный кем-то другим, оказались

напрасны. Сейчас она лежит здесь, на этом холодном бетоне, и, возможно, проживает последние минуты. От этих мыслей лицо свело судорогой.

«Но ОН меня не убил. Значит, я ЕМУ нужна живой. Меня найдут. Они должны меня найти! Мама отдаст все деньги ради моего спасения. Мамочка, бедненькая... Она, наверное, сейчас тоже подавлена горем... – думала Сатин. – Выкуп! Возможно, выкуп станет билетом к освобождению. После чего я вернусь к прежней жизни. Как будут рады мои родные, которых я крепко обниму...»

И в эту самую минуту искорка надежды на спасение зажглась в ней.

Но тут же Сатин вспомнила об ужасной смерти отца. Какая эгоистка! Даже сейчас она думает о себе, а не о человеке, который подарил ей жизнь, вырастил, помогал, оберегал. Который отдал ей столько жизненных сил. А теперь его нет. Видимо, всему виной наша природа, которая, толкая нас на выживание, притупляет человеческие чувства. Но чем ценна именно ее жизнь? Каким непостижимым образом она стала важна для этого мира? Какая чаша весов в итоге перевесит? Ее совести? Или лжи?

Эти мысли свели бы ее с ума, если бы не спазмы в теле и шорохи в голове.

Сатин начала беззвучно всхлипывать. Но слез не было. Сердце стучало редко и глухо. Она злилась на этот упрямый орган, который продолжал трепыхаться и толкать кровь по телу. Трепещущий, замирающий в пустой груди и вновь заполняющий эту черную пустоту неуверенным глухим ударом. Возможно, скоро сердце умолкнет, и весь этот кошмар закончится.

Свет то потухал, то зажигался. Она задавалась вопросами: «Когда убийца вернется? Сколько я уже здесь?»

Не понимая до конца, разговаривает ли она сама с собой или это всего лишь гомон мыслей, девушка лежала, придавленная плитой отчаяния, и смотрела не моргая в пестривший трещинами потолок. Потом взгляд опустился на стену, пол, остановился на пятнах... подтеках. Похоже, кто-то здесь обмочился. Возможно, это была она.

Сатин снова накрыла волна ужаса, при этом одна ее часть хотела умереть, другая же – всячески держалась за жизнь.

Боль отступила. И отдавшись потоку наводнивших ее образов, девушка вскоре уснула.

Проснувшись от свиста ветра, она вновь впиалась взглядом в удерживающие ее стены, за которыми шумела жизнь. Интересно, что за ними? Но эти стены были не единственной преградой. Она была заточена в еще одной тюрьме, которая когда-то служила телом. Теперь оно стало чужим и отвергалось сознанием. У нее не было сил мириться с новой реальностью. Возможно, скоро ее найдут мертвой и изуродованной. И закончится невыносимая боль.

Тьма вновь и вновь окутывала мученицу.

Лежа с полуприкрытыми глазами, она поймала себя на том, что посасывает кровь из нижней губы.

Пересохшие губы шептали: «Меня найдут... Меня найдут... Я жива... Кто-нибудь, помогите мне... Спасите меня...»

«А что, если не найдут? – тут же ужасалась она. – Что, если... о моем убийстве растрелят или уже раструбили во всех газетах и по телевидению?»

Сатин представила заголовок в «Сан-Франциско Хроникл»: «ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО МИЛЛИАРДЕРА! ЖИВА ЛИ ЕГО ДОЧЬ?! ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ 10 МИЛЛИОНОВ!»

Внизу страницы, как обычно, напечатана какая-нибудь глупая статья о диете или звездных личностях. И пока медиумагнаты поднимают рейтинг, кто-то говорит об этом шепотом или даже радуется: Сатин Харрис, самая завидная невеста округа, умирает в каком-то подвале. Но этого не может произойти! Когда ее спасут, окажется, что это дело рук сбрендившего психопата. Ей окажут необходимую помощь. Всё вернется на круги своя.

С этими мыслями девушка снова погрузилась во мрак.

Глава III. Колыбель страха

Лязгнул затвор, проскрипела дверь. В проеме показался силуэт. Сатин резко вскинула голову и пристально посмотрела вперед. Поток воздуха полоснул ее, подобно удару кнута. Тусклый свет коснулся очертаний вошедшего, и с губ едва не сорвался дикий крик. Она оцепенела от ледящего ужаса, который затянулся мертвой петлей на шее. Несимметричная, покрытая буграми голова с зияющими глазами василиска, над которыми нависала сплошная надлобная дуга. Крупную выступающую вперед челюсть завершали неестественно темные губы. Только нос был более-менее похож на человеческий. Вывернутые уши казались приклеенными к тому, что обычно называют головой. В нем было около шести футов. Последним, на что она обратила внимание, была черная одежда, свободно сидевшая на коренастой фигуре.

Убийца направился в ее сторону и в несколько бесшумных шагов преодолел комнату. Сатин попятилась к стене. Она понимала свое бессилие перед этим хладнокровным существом.

Посмотрев в черные глаза, девушка на мгновение потеряла дар речи, но удержала предательскую дрожь внутри себя.

– Вам нужны деньги? Сколько вы хотите? – прерывистым, словно не своим голосом спросила она, вся внутренне сжимаясь.

Но по глазам убийцы было понятно, что слово «деньги» его явно не интересовало.

Подойдя вплотную, монстр резким движением холодной руки разжал ей рот. Девушка попыталась увернуться, но его железная хватка только причинила боль. Его ноздри раздулись, и он со свистом втянул в себя воздух, словно пытаясь выпить клубящиеся внутри нее крики. Затем он таким же резким движением отпустил ее и быстро направился к двери.

– Ублюдок! – срывая голос, прокричала Сатин. – Чего ты хочешь?! Чего?! Тебе пожизненный срок светит! Тварь! – выплевывала она.

Дверь закрылась. Пленница вслушивалась в удаляющиеся шаги. Последовал скрип еще одной двери, который затем долго отдавался в ушах.

В попытке понять, что его интересовало, она открыла рот и провела языком по вздувшимся деснам. От безупречной голливудской улыбки осталось меньше десятка зубов.

Из правого уголка рта шла кровь.

Доведенная до отчаяния, заложница заметалась по комнате, словно бешеное животное. Она продолжала кричать и колотить в дверь, надеясь, что хоть одна душа услышит ее мольбы.

– Спасите меня! Спасите! – кричала она до хрипоты.

Упав на пол, девушка стала бить ладонями по бетону, извергая рыдания. Горло распухло. Охваченная горем, она содрогалась каждой клеточкой тела.

Сорвав горло, Сатин принялась бить ногами по железной преграде. Кожа покрылась холодным липким потом. Но крики и шум так и не прорвались наружу сквозь толщу камня и земли.

Успокоившись, она подползла к металлической двери, приложила к ней ухо и вслушалась в пугающую тишину. Затем села, прислонившись к двери спиной, подтянула к себе ноги, обвила их руками и уронила голову на колени. В таком положении она просидела довольно долго. Взгляд то и дело упирался в серую стену. Тело затекло. Она уже его не ощущала, то проваливаясь в сон, то приходя в себя. Перенесенные минуты боли казались девушке теперь целой вечностью.

Послышался шорох. За дверью, издавая тихий писк и семена маленькими когтистыми лапками, пробежала то ли мышь, то ли крыса.

И Сатин подумала о том, как незначительные вещи могут утихомирить беспокойный ум, отвлечь от мыслей о неминуемой смерти.

Глава IV. Обращение

– Спасите! – раздался мужской сиплый голос.

Сатин открыла глаза и обнаружила, что железная дверь распахнута.

Она вышла в темный коридор, откуда доносился то ли приглушенный свист, то ли сопение.

Темноту едва рассеивал тусклый свет лампы, испачканной чем-то красным.

Сатин вздрогнула, задев правой ногой что-то мягкое, и замерла. Всматриваясь во мрак, она пыталась обнаружить хоть какой-то намек на выход. По коридору пронесся низкий шелестящий голос.

Девушка остановилась.

Под ногами лежали комья земли.

– Кто-нибудь! – прозвучал все тот же хриплый голос.

Страхнув с себя оцепенение, она направилась вперед.

– Я не боюсь... Я не боюсь... Я не боюсь, – шептала, проталкивая слова частями сквозь стук оставшихся зубов.

Впереди она увидела мужчину. Похоже, убийца сломал ему ноги, так как бедолага, упевшись руками в пол, полз по направлению к ней, таща их за собой.

Обрадовавшись его присутствию, Сатин ускорила шаг, но ноги будто подламывались.

– Кто здесь? – схватившись за нож, крикнул мужчина. В темноте он увидел светящиеся глаза. Его била дрожь.

Подчинившись внутреннему импульсу, девушка шагнула в алый ореол, и в лицо ударил запах крови, струящейся из виска мужчины. В это мгновение где-то глубоко внутри раздался тревожный щелчок. Опьяненная теплым облаком с запахом металла, Сатин сделала несколько быстрых шагов, хотя и теряла контроль над собственным телом.

Незнакомец направил на нее нож.

Ватные ноги заплетались. Но резкий взмах ножа перед лицом вернул ее к реальности.

– Отойди! – сплюнув, крикнул мужчина. – Назад! – На его лице отразилось отчаяние. – Кто ты, черт тебя возьми?!

Его мокрые глаза двигались, подобно бильярдным шарам, которые разбросало по сукну сильным ударом. Перед ней был байкер. На это указывали кожаная мотоциклетная куртка с логотипом «California Moto Club», надетая поверх черной майки, джинсы с увесистой цепью и кустистая борода. По бледному лицу катился пот. Он тяжело дышал. Наверное, у него было сломано ребро, которое проткнуло легкое.

– Да чтоб меня... – Он замер с выражением запредельного ужаса. Губы беззвучно шевельнулись, будто произнося слова, даже ему самому непонятные.

Она обернулась и увидела того, кто устроил весь этот ад. Чудовище стояло рядом с комнатой, где она была заточена, и следило за жертвами.

Сатин сделала пару робких шагов в сторону второй железной двери, в то время как убийца продолжал неподвижно стоять.

– Помогите мне! – заплакал мужчина.

Продолжая идти вперед, она уже не оборачивалась. С каждым шагом сердце все сильнее наполнялось страхом.

– Помогите... помогите, – умолял байкер, видя, как она проходит мимо.

Не успев окаменеть от ужаса, Сатин бросилась к спасительному выходу. Она бежала изо всех сил, едва касаясь бетонного пола. Уши резал пронзительный звон. Девушка чувствовала, как убийца нагоняет ее. Не ощущая собственного тела, она сделала последний рывок и упала. Тварь держала ее.

– Помогите! – закричала она. – Помогите! Ради бога!

Сатин провалилась в глубокий сон.

* * *

Густой туман.

Холод.

Над головой брели тяжелые тучи. За кронами деревьев догорал алый закат. Из черного неба сыпался мелкий снег. Сатин ступала голыми ногами по замерзшей земле, затянутой мглой.

В какой-то момент захотелось плакать, но слеза замерзла на щеке.

Колкие снежинки, кружась в воздухе, касались кожи, но не таяли.

Она услышала странный звон, чем-то напоминающий дребезжание стекла. Ей показалось, что звук был в голове. Но звон издавали ее волосы, покрытые льдом и инеем.

Сатин стояла на лоне зимней природы. В попытке обхватить себя за плечи она укололась чем-то твердым. На шее был металлический ошейник с длинными иглами. Она попыталась его снять. Но ошейник только сильнее сдавил горло, и в теле проснулась тупая ноющая боль.

Из рта вырвался досадный немой вопль.

Тишину нарушал скрип покачивающихся деревьев.

Девушка направилась вперед.

Пробираясь через колючие кустарники, которые то и дело царапали ей кожу, она увидела впереди прогалину.

В воздухе стоял запах пороха и смерти.

Оказавшись на пустыре, Сатин услышала шорох.

Присмотревшись, она увидела, что поляна усеяна темными пятнами, напоминающими островки.

Внутри шевельнулось гложущее чувство тревоги, и девушка ускорила шаг. Но вскоре остановилась, и ее поглотила волна чернейшего ужаса, от которого застыла кровь.

Темными пятнами оказались сотни трупов. Полураздетые люди. Они были расстреляны. Рядом, едва укрытые снегом, лежали кучи одежды: стеганки, брюки, гимнастерки, юбки.

Лютую картину оживило движение. В нескольких шагах от нее на коленях сидел мужчина. Он раскапывал яму. Сатин подумала, что ему нужна помощь, и направилась к нему.

Оказавшись совсем рядом, она опешила. Мужчина пыхтел, рычал, пытаясь что-то откопать. Из-за этого ей не удалось рассмотреть его лицо, она лишь увидела когтистые руки, которые разрывали землю.

Мародер ее не замечал и продолжал с неистовством разбрасывать мерзлую почву, перемешанную со снегом, листьями и ветками.

Что же могло его так взволновать? Он делал это с такой одержимостью, с которой откапывают пиратский клад.

Вскоре показалась голова с зияющей дырой. Но это его не остановило. Он продолжил копать с еще большей яростью. Показалось чье-то плечо. Раздвигая обнаженные тела, мужчина пытался что-то найти во всем этом жутком месиве. Вдруг его рука ухватила за что-то и стала вытягивать. Это был ребенок. Мальчик лет пяти. Он был без сознания. Неизвестный притянул мальчишку к себе и прижал ко рту. Хрустнули детские косточки. Теплая кровь побежала по его рукам и шее. Он сжимал и мял ребенка в своих зверских объятиях. Мальчик умирал без криков и попыток к сопротивлению. Уж лучше бы он кричал.

Прикрыв рот рукой, Сатин отпрянула назад. Она продолжала отступать, не отрывая взгляда от каннибала, который был полностью поглощен едой. Когда оказалась на безопасном расстоянии, то бросилась бежать изо всех сил.

После чего довольно долго еще брела по лесу.

Туман сгустился.

В крошечной мгле мерцали красные точки. Это были тени с сотнями глаз. Неведомые существа. Их искаженные образы застыли в нелепых позах за стеклянной завесой, по другую сторону которой была Сатин.

Над черными кронами расступающихся деревьев, проливая кровавый свет, горела звезда. До ушей донесся шум, в котором Сатин узнала рокот реки. Ступая босыми ногами по земле, припорошенной снегом, она направилась на зов.

Вскоре лес закончился.

Впереди показался берег.

– Отец! – беззвучно вскрикнула Сатин.

Мистер Харрис стоял на противоположной стороне и смотрел на нее холодным взглядом.

– Папа! Папа! – продолжала она кричать, приближаясь к реке.

Чередой следов, тянувшаяся за ней, постепенно заполнялась густой темной кровью. Но Сатин этого не заметила и только продолжала звать отца.

Однако мистер Харрис с отрешенным видом развернулся и скрылся в лесу.

– Нет! Не уходи! – кричала она, спускаясь к воде.

Ответом на отчаянные крики было безмолвное эхо.

Она вошла в бегущий поток. Оказавшись по пояс в воде, девушка почувствовала, как ее охватил обжигающий холод. Он пронзил от корней волос до кончиков пальцев. Река бурлила и неслась со всей своей природной мощью. Вдруг вода потемнела. Висевший в воздухе туман приобрел зловещий алый оттенок.

Что-то коснулось ее ног. Девушка застыла в оцепенении. В багровой воде показалось тело молодой женщины, чем-то похожей на нее. Сатин подняла голову, устремив взгляд в сторону противоположного берега. По реке плыли сотни мертвых тел.

Она опустила руку, чтобы убедиться в шокирующей правдивости своих догадок. И когда поднесла к себе ладонь, лицо исказила маска ужаса. Это была кровь.

Бросившись обратно к берегу, она все глубже увязала в илистом дне. И чем больше прилагала усилий, тем сильнее течение уносило ее от берега. Девушка отдалась неведомой силе.

Острая вспышка вырвала Сатин из мрака. Она чувствовала, как неведомая сила копошится в теле. Приоткрыв глаза, девушка увидела размытые черты изверга, склонившегося над ней. Попытки к сопротивлению прекратились, когда боль погрузила ее обратно во тьму. Приходя в себя от хруста собственных костей, она выхватывала растерянным взглядом образы в пространстве. Делала хаотичные вдохи.

«Как же я незащищена! словно кусок мяса, трясусь под тупым ножом», – ужасалась она.

Сатин молила бога о скорейшей смерти. Но, видимо, бог покинул ее в те долгие секунды – вязкие крупы боли перетекали в океан вечности. Агония обжигала тело, будто скованное льдом. Волны нестерпимой муки уносили всё дальше от берега жуткой реальности. Но где-то совсем рядом ощущалась чья-то незримая поддержка.

Сатин несло течением, словно щепку. Кровавая вода пенилась, заливала ей рот, нос, глаза, уши, поглощала целиком. Она не могла противостоять. Глотала воду. И с каждым глотком хотелось еще и еще. Но кровавый поток не мог утолить вспыхнувшую жажду.

Бурлящие волны охватили ее полностью.

Впереди река превращалась в водопад, который обрушивался на острые скалы.

Сатин позволила бурному потоку нести себя навстречу неминуемой гибели. И когда падала вниз в грохочущем водовороте, то уже полностью верила себя смерти.

Ее вынесло на отвесные зубчатые скалы, которые напоминали пасть чудовища, откуда низвергалась кровавая пена.

Она почти забыла о боли, но утес, к которому оказалась прикованной, пришел в движение. В ужасе она лишь открывала рот, испуская немые крики. Острые камни, вонзившись в

разбитое тело, подобно гигантской звериной лапе, стали ломать его косточка за косточкой. Всё ее существо кричало от боли.

Затем следовал штиль, с которым боль стихала. И Сатин ожидала новой волны агонии, после того как камни опять придут в движение.

Она лежала, устремив глаза к небу. В абсолютной черноте показалось серое облако, которое становилось всё больше и больше.

Этим облаком оказались хищные птицы. Они опустились на утес и теперь прохаживались тяжелыми когтистыми лапами по ее груди, животу, рукам, лицу. Воспользовавшись беззащитным положением, они принялись клевать ее тело. Их клювы обжигали, терзая плоть.

Она ждала того момента, когда всё снова погрузится во мрак, боль закончится и последует блаженное онемение.

Глава V. Пробуждение

Всё тот же бетонный пол. Или это сон? Сколько она пробыла в беспомощности?

Направив взгляд на стену, она увидела сеть бугорков-крупинок, которые с пугающей отчетливостью контуров слились в картинку на сером бетоне.

В дальнем углу кучей лежала одежда.

Она снова закрыла глаза, заставляя себя думать, что всё это затянувшийся ночной кошмар.

За стенами так же проносились машины и гудел ветер. Но на этот раз звуки были пугающе громкими.

«Если я жива, то, скорее всего, представляю собой жалкий обрубок, которому осталось лежать здесь считанные минуты. Сколько я еще буду терпеть это? Что ОН сделал со мной? Неужели ОН изъясил мои органы? Я донор?!» – она задавала вопросы узорам из плесени на стене.

Сатин лежала обнаженная и боялась сделать какое-либо движение, чтобы не открылись раны.

Невыносимой боли уже не было. Как не было холода и жара. Им на смену пришла эйфория, заставившая Сатин предположить анестезию.

И она решилась.

Ее правая рука послушно подчинилась мысленным командам и оказалась непривычно легкой, словно в вены закачали гелий. Неужели силы гравитации тоже играли с ней? Все тело было каким-то текучим, как будто лишенным костей.

Она приподняла голову. Тяжесть, которая была во всем ее теле (особенно в ногах), ушла.

Посмотрев на неподвижные бледные конечности, Сатин вспомнила того несчастного байкера и испугалась за себя. Но, сделав мысленное усилие, все же шевельнула ногами.

Она медленно поднялась и прижалась спиной к шершавой стене.

Но что с лицом? Она помнила, как руки убийцы сжимали голову, словно тисками, отчего ее мучила нестерпимая боль.

Поднеся онемевшую руку к лицу, Сатин провела кончиками пальцев ото лба до подбородка. Это прикосновение успокоило ее. Но, опустив руку на грудь, она почувствовала впалость и содрогнулась от ужаса. Сквозь засохшую кровь проступал серпообразный шов, «украшенный» черными нитками, – следы недавней операции. Подбородок дернулся. Издав судорожный всхлип, она едва не разрыдалась. Но не получилось.

Значит, она была права. Из нее изъясил органы. Она донор.

Неужели дочь миллиардера ждет такая страшная смерть? Но если это так, то почему она все еще ощущает в себе силы? Почему нет боли? Действие обезболивающего или каких-то допингов?

«Боже! Почему это случилось со мной?! Почему я?! Почему?!» – Сатин продолжала задавать вопросы серым стенам.

Она ощущала пустоты в теле. Эти области были наполнены болью и отчаянием. Страхом. И чем-то еще... Чем-то, что будоражило и с каждой минутой вытесняло собой содержимое этих темных пустот. Оно тоже хотело жить.

Опершись на стену, *девушка* приподнялась. Тело заваливалось то в одну, то в другую сторону, словно лишенное позвоночника. Ноги подкашивались и дрожали. Она выпрямилась в полный рост. Еле удерживая равновесие, ощутила себя так, будто стоит на шатких ходулях. Руки болтались, словно плети.

Чувство онемения не покидало. Она смотрела на бледные кисти, отливающие синевой. Ее огрубевшие ногти, как и кожа, потемнели от земли, заострились и слегка загнулись наподобие когтей.

Сатин почувствовала себя ребенком, который учится ходить.

Но тело быстро вспомнило все движения.

Она направилась к куче вещей, надела кофту и штаны (которые были больше нужного минимум на три размера), подвязав их рукавом от другой кофты. После этого подошла к двери и села.

Чувство тревоги нависло над ней черной тучей.

Сатин притянула к себе колени и, обхватив их руками, невольно съежилась от страха. В таком положении она просидела довольно долго, слегка покачиваясь, всматривалась в шероховатости, трещины и неровности на стенах и потолке.

«Интересно, как долго страдала та, что носила эту кофту с надписью „I LOVE NY“, которая сейчас на мне?» – задумалась она. На одежде не было следов крови. Только потертости, пятна грязи, несколько светлых волос. На ворсистой ткани все еще оставался сладковатый запах туалетной воды, пота и сигаретного дыма.

Секунды сливались в минуты. Минуты – в часы.

Все еще казался странным тот факт, что не было боли. И она снова подумала, что дело в наркозе. А может, тело настолько привыкло к боли, что больше не в состоянии испытывать муки?

Дотронувшись до засохшей раны, Сатин не ощутила жалости к собственному телу. Скорее, почувствовала себя оскверненной, опустошенной, будто внутрь зашили нечто столь омерзительное и ужасное, отчего она перестала испытывать страх.

Зачем теперь бояться за это тело? Бояться за этот несчастный кусок мяса, в котором, кажется, уже копошатся черви.

Пока жива, она вряд ли когда-нибудь сможет прожить хотя бы день, чтобы не вспомнить об этом кошмаре. Дикий ужас останется навсегда с ней. Даже те миллионы, которыми владеет ее семья, не смогут вернуть прежнюю Сатин Харрис. Теперь она – инвалид. Инвалид физический и моральный.

И это гложущее чувство тревоги становилось все более невыносимым. С каждой минутой оно все острее принимало форму наваждения. Нарастающая тревожность в считанные секунды переросла в одержимость, отчего хотелось кричать.

Вдруг сильный спазм сдавил горло. Рот охватило нестерпимое жжение. Появившийся зуд она восприняла за игру нервов. Но чесалась не кожа, чесались внутренности, словно их покрывали колючие волоски. Она поняла, что испытывает жажду, что становилась гораздо сильнее и острее боли. С жаждой пришел голод, от которого еще сильнее обострились чувства.

Чтобы успокоиться, Сатин начала мерить шагами комнату. Через пару минут она уже била ногами по стенам, полу, колотила ладонями что есть мочи.

Потом тело выгнулось дугой, словно требовало чего-то, что единственное на свете способно было его усмирить, избавить от лихорадки. И эта сила, что наполняла ее существо, была как стихия, неподвластная мольбам людей.

Вдруг пленница услышала тихий звук шагов. Забыв о страхе, она поддела ногтями металлический край двери и потянула на себя. Дверь со скрежетом открылась.

В лицо ударил одурманивающий металлический запах, который разлился в воздухе, пропитал собой каждую частицу пространства.

В мгновение Сатин потеряла контроль над собственным телом и, забыв обо всем, поддалась непреодолимой силе. Ноги повели ее вперед, с каждым шагом набирая темп. Зрение (с необыкновенной резкостью) сфокусировалось на байкере. Он лежал на том же самом месте без сознания.

Ее поступь стала более легкой. Она помнила о том, что у бедолаги был нож (возможно, и телефон, с помощью которого можно вызвать полицию).

От обжигающего металлического запаха гудела голова, а рот с каждым шагом наполнялся слюной. Чем ближе Сатин к нему подбиралась, тем сильнее испытывала возбуждение, и тем громче звенел тревожный молоточек внутри нее.

Убийца был здесь недавно. Об этом говорили не успевшие засохнуть кровавые следы, которые исчезали за обшарпанной дверью.

Приблизившись к мужчине, она замерла, словно замороженная. Склонила голову, как будто хотела лучше разглядеть несчастного. Но тут же неведомая сила притянула ее к бетонному полу и заставила открыть рот, из которого брызнула слюна. *Девушка* продолжала сопротивляться тому, что с ней происходит. Сопrotивляться дьявольской незримой руке, что давила на затылок, пытаясь прижать лицо к алому пятну. Но сил бороться уже не было. И она сдалась, припав синими губами к луже крови.

Сделав первый глоток, она ощутила в себе дикий голод, который велел ей вылизать все до капли. Получая невероятное наслаждение, Сатин продолжала слизывать кровь.

Вдруг что-то заставило остановиться. Это были удары... чьего-то сердца. Она приблизилась к байкеру.

От его кожи, покрытой выгоревшими волосками, исходило едва уловимое тепло.

Смотря на выпирающую вену и не осознавая того, что делает, Сатин припала губами к мужской кисти и прикусила мягкую плоть. Ее язык свернулся в трубочку и, заполнившись слюной, стал работать подобно поршню, сжимаясь и разжимаясь, закачивая кровь. Теплая густая жидкость потекла в рот, обжигая горло, поступая в пищевод. Неведомое чувство стало разливаться по телу, разнося упоительное тепло до самых кончиков пальцев. Это чувство несло умиротворение и наполняло силой. Словно путник, припавший к роднику с чистой водой, Сатин испытывала неземное удовольствие, утоляя жажду. Закрыв от удовольствия глаза, она впивалась все сильнее и сильнее в безвольную кисть и с каждым глотком все острее ощущала собственное тело.

Она продолжила бы отдаваться безумному порыву, но неожиданно источник потерял свою привлекательность. *Девушка* замерла, все еще удерживая зубы под его кожей. Грудь мужчины больше не наполнялась воздухом. Сердце не билось.

Опомнившись, она столкнулась лицом к лицу со страшной картиной и прижала ладони к окровавленному рту.

Ужас и отвращение прокатились по всему телу.

Ее воротило от содеянного, как в день первого похмелья. Но тогда всему виной были юность и неопытность. Подруге Пэм повезло меньше. Та пришла в себя после того, как какой-то прыщавый школьник достал из нее свой детородный орган. В тот день неожиданно нагрянул отец Пэм и отчитал дочь за потрепанный вид и запах перегара. Впрочем, Пэм не считала его отцом, так как в свое время он не дал ей должной душевной теплоты и того внимания, какое проявлял отчим. Одновременно с этим событием в памяти Сатин всплыла старшая сестра Пэм, к которой родители демонстрировали куда большую любовь в силу более привлекательных природных данных, в то время как бедняжку Пэм не стеснялись прилюдно называть дурнуш-

кой. Ее сестра, кстати, так и не вышла замуж. Видимо, боялась понапрасну растратить свою красоту.

«Боже, я, наверное, спятила», – думала Сатин, уставившись в пространство.

Теперь она ясно увидела картину происходящего. Байкер умер, держа в правой руке нож. Она ощутила укол жалости.

Нож с черной потертой ручкой, на которой краснела звезда, уже находился в ее руках. Телефона у байкера не оказалось.

Дверь была закрыта.

Какое-то время *девушка* стояла и смотрела на распростертое тело. Потом вернулась в комнату своего заточения.

Она с тоской предалась воспоминаниям о том, о чем никогда не думала и считала неважным.

Сатин вспомнила родителей.

Миссис Харрис была всегда занята собой и большую часть времени тратила деньги мистера Харриса, что ненадолго притупляло ее боль из-за незаконной деятельности супруга и его походов по другим женщинам, которые в свою очередь притупляли на время его боль. Джош Харрис мог пропадать на целые сутки, а то и на недели, а затем появлялся дома с отрешенным видом и прикладывался к алкоголю, засыпая с бутылкой виски на кожаном диване в кабинете. Холодным рассудком Сатин понимала ситуацию и не держала обиды на отца.

Ведь по аналогичной модели жили и родители миссис Харрис. Правда, дедушка не был затянут сетями теневой экономики. Тод Харрис просто был жадным и всегда ставил деньги на первый план, да и на второй тоже. В юные годы он много голодал, так как у него не было денег, образования, нужных связей и влияния. Но у него были твердая вера и несгибаемая воля. И он направил эти две могучие нематериальные силы на построение отношений с нужными людьми, что сделало молодого человека одним из богатейших людей Калифорнии в свое время. Тод Харрис всегда был сыт уверенностью в том, что его идеи непременно реализуются. Он четко знал, чего хочет. С детства страстно желал богатой и относительно свободной жизни на широкую ногу. Видимо, его страсть и голод передались по наследству на несколько поколений вперед. Сатин вспомнила, как дедушка всегда твердил, что наши мысли материальны. И нам всегда необходимо пережить темную полосу, так как затем будет самое благодатное время. Главное – не сдаться раньше. Ведь возможность приходит к нам не всегда в образе счастливого случая. Она может явиться как несчастье или поражение. Но многие не умеют это распознавать. Дедушка умел. В шаге от жестокого поражения он обернул, казалось бы, безвыходную ситуацию в свою пользу, выручив пару тысяч долларов и вложив их затем в весьма выгодное дело. И добился этого благодаря проворному языку, внимательности и смекалке. И тогда над Тодом Харрисом прорвался рог изобилия, и несметные богатства посыпались на него. Отчего в глазах Тода вспыхнул огонь золотой лихорадки, не угасающий до конца его дней.

Поэтому, несмотря на внутренний протест, миссис Харрис принимала данную семейную модель, так как не любила напрягаться. Пусть даже в ее частенько покрасневших и опухших глазах потрескивал огонь негодования.

Когда же была проведена черта, за которой закончилось настоящее счастье? Непонятно. Но точно задолго до того, как миссис Харрис начала убивать время, курсируя между бутиками и оставляя там же свои мечты, и до того, как мистер Харрис заикнулся на собственных мечтах о мире, где он достигает еще больших богатств и долгожданного покоя. Но эта черта явно была проведена после того, как они провели совместный уикенд в Национальном парке Кейп-Бретон-Хайлендс, что в Новой Шотландии. Сатин было около пяти лет. Тот день выдался удивительно солнечным. Они тогда много смеялись и искренне радовались совместному времяпрепровождению. Глаза миссис Харрис искрились, как воды Атлантического океана, в которых

отражался золотой закат. Тогда мистер Харрис тоже был очень счастлив. Источник счастья был доступен им обоим в одном и том же моменте. Где не было места будущему и прошлому.

Сатин также вспомнила служанку Розу. Эта женщина вынесла бессчетное количество ее раскатистых истерик по поводу запаха кипящего масла на кухне, невольных бормотаний и причитаний на испанском. Роза была очень доброй и услужливой. Всегда извинялась перед всеми непонятно за что, могла невзначай попросить прощения даже за свою работу, которую делала безупречно.

Мысли *девушки* путались. Она поймала себя на том, что уже думает о совпадении определенной комбинации цифр и предупреждающих знаков перед трагичным моментом. Что не состыковывалось с ее железным прагматичным умом.

Сатин всегда была озорным и непослушным ребенком. Даже когда ей грозило наказание за какой-то поступок, она с неумным азартом шла на риск. Любопытная и смелая, она зачастую не соглашалась со многими общепринятыми вещами. Не желала быть во всем покорной. Не хотела быть в тени отца. И даже сейчас... не была согласна умереть от очередной пытки в этом подвале. Она отказывалась отсчитывать минуты в пугающей неизвестности и не была согласна с тем, что находится в ловушке. И возможно, поэтому была все еще жива...

И тем не менее что-то было не так в ее жизни. Иначе не случилось бы ужасного. Возможно, до этого момента она не видела и не чувствовала себя по-настоящему. Ведь Сатин всегда демонстрировала всем тот образ, который хотели видеть, очень зависела от мнения окружающих и абсолютно не принимала никакой критики в свой адрес.

Она лелеяла тот внешний облик, который дарил ей временное ощущение безопасности. Ведь родители, со своими нарциссическими заскоками, воспринимали ее скорее как некий придаток (пьющий их соки), а не как родное существо, которое так сильно нуждается в их любви. Данную ситуацию сглаживали родственники, те из них, кому Сатин могла изредка показать настоящее лицо. Тогда ей не приходилось раздувать в себе грандиозного самомнения, за которым прятались детская боль и страх.

С детства Сатин была избалована вниманием взрослых и излишками богатой жизни. Она не была наделена от природы ярко выраженными талантами. Вернее, ее родители не отмечали их у своей единственной малышки. Миссис Харрис неоднократно говорила о везучести дочери, что, скорее всего, действительно имело место быть, так как Сатин и сама иногда удивлялась той легкости, с которой мир одаривает ее богатствами. Мистер Харрис говорил о стойкости ее духа и меркантильности во взглядах (как у его жены). Как же велика магическая сила родительских слов!

Сатин зачастую оказывалась в центре внимания. Ей нравилось быть объектом зависти и сплетен. С непередаваемым благоговением она принимала похвалу и не чуралась лишней раз выделить свою персону, пытаясь откусить при возможности более крупный кусок от пирога жизни. Тогда все становилось идеальным и не было необходимости показывать кому-то настоящее лицо. Тогда она была свободна (как ей казалось) и считала, что весь мир преклонил колено перед ее безудержными амбициями.

Убежденная в собственной исключительности, она старалась всегда окружать себя только людьми из привилегированного сословия с соответствующими связями – топовыми бизнесменами, миллиардерами, банкирами и воротилами предприятий – и выбирала их с той же расчетливостью, с которой акционеры приобретают ценные бумаги. Ведь она сама воспринимала мир как один большой рынок, где можно все купить, где у всего есть цена и нет ничего, что невозможно уладить с помощью денег. Она искала выгоду во всем, обыгрывая ситуации в свою пользу. Эта жилка передалась ей от отца.

Так сформировалось потребительское отношение и к людям. Она забирала от каждого то, что те могли ей дать. Затем переключалась на других, когда предыдущий источник был уже не так привлекателен. Она знала, что каждое новое знакомство закончится обидой и завистью

(как бывало в большинстве случаев). Но Сатин это не волновало. Она могла «выпить досуха» тех, кто ей недавно улыбался и был в чем-то полезен. С некоторыми действовала крайне хладнокровно, пытаясь, в конечном счете, обесценить, а то и вовсе уничтожить.

Она спокойно забывала о договоренностях и обещаниях. Не придерживала общественные двери, которые с размахом обрушивались на идущих позади нее людей. Сатин Харрис охотно демонстрировала надменное отношение, когда другие рассчитывали на нее в том или ином вопросе. Отчего количество недоброжелателей росло как на дрожжах.

В близкий круг знакомых входили стойкие лицемерные «подруги», нуждающиеся в постоянном доступе на светские вечеринки (где могли без дополнительных трудностей самоутвердиться), и такие же расчетливые мужчины, предпочитающие в свободное от работы время налаживать финансовые и прочие дела. Что касалось более высоких чувств, то Сатин принимала за чудачков тех немногих, которые старались увидеть в ней нечто большее, чем внешний блеск дорогой скорлупы. Ведь она сама боялась заглянуть себе в душу, не желая увидеть то, что скрывала ото всех и, в первую очередь, от себя. Она жила словно с раздвоением личности.

Бывали случаи, когда Сатин пыталась полюбить кого-то, но мешала ее неказистая часть, отсвечивающая фальшивым светом. Она никогда не любила по-настоящему тех, кто был рядом.

Отсутствие эмоциональной близости приводило к одиночеству, что выливалось в периоды депрессии, тревожные состояния и способствовало увлечению лекарствами и прочими химическими веществами.

Сейчас, за каменными стенами, ее *безупречный* мир, возведенный на фундаменте обмана, разрушался.

И она поняла, как во многом ошибалась...

Находясь в тесных объятиях мыслей, Сатин с необычайной ясностью увидела свое прошлое, наполненное безумным бегом на опережение со стойким привкусом неудовлетворенности. Где не было места открытой сердечной любви, сочувствию, искренности. Наверное, это всегда так. Тяга к чему-то более высокому пробуждает нас, когда уже невозможно что-то изменить. Неведомое щемящее чувство охватило ее с огромной силой. Захотелось попросить прощения у всех, кому она когда-то причинила боль. Но было уже поздно.

Сатин сожалела о времени, потраченном исключительно на приумножение капитала, пустое самолюбование и бессчетные попытки не опуститься ниже планки, за которой искусственным блеском переливалось светское общество. Кому и что пыталась доказать? Она сожалела о глупых ссорах, надуманных обидах. Сколько же ошибок совершила, не обдумав последствий, желая опередить время... Как же порой мы бываем слепы... Или мы уже рождаемся с этим изъяном? И потребность быть обманутыми свойственна нам априори?

Сатин лишилась не только приличных денежных счетов и всей той роскоши, что окружала ее с детства. Она лишилась и менее заметной стороны своей жизни. И ею овладел жгучий стыд от осознания того, как мало времени она проводила в кругу близких сердцу и не до конца узанных людей. С тоской в сердце вспоминала тепло бархатных бабушкиных рук; нежный взгляд маминых глаз (не зажженных предвкушением очередного шопинга и прочей мишурой); заразительный смех отца; полные радости и искренности крики племянников; льющуюся живым фонтаном речь тети Анжелы. Неужели самые лучшие вещи – бесплатные? Те, что жизнь выдает нам в качестве подарка? Но мы почему-то не ценим даже те короткие моменты подобного счастья, которые у нас есть... Было особенно печально осознавать именно *сейчас* тот факт, что сама жизнь есть *великая ценность*. Под натиском воспоминаний вслед за стыдом пришла досада. Ведь Сатин никогда не была счастлива по-настоящему. Отчего где-то близко и одновременно глубоко в ней завывала боль.

«Я так и не искупалась в океане во время дождя, – неожиданно подумала она. – Как же хочется пить... Наверное, стоит прекратить держаться за эти воспоминания... Они причиняют

не меньшую боль. От них становится еще хуже. И кто только навязывает эти уродские, „правильные“ модели, которые заставляют наши сердца навек умолкнуть? А ведь сердце должно жить! Должно биться! Стучать-стучать-стучать!»

Сколько же сумятицы вносило сердце в жизнь Сатин... У него всегда была своя точка зрения. Сердце всегда знало ответ. А сейчас оно молчало.

«Мне нечего унести с собой, за исключением тех редких моментов, о которых я только что вспомнила... Я жила чужой жизнью... Не своей... У меня даже не было настоящих друзей... Я была не с теми людьми... Позволяла любить себя, но сама никогда никого не любила... Это неправильно...»

В одно мгновение занавес из воспоминаний рассыпался где-то... за пределами оголенной души.

Сатин держала в руках нож. Она рассматривала его, загипнотизированная блеском лезвия.

Вдруг яркая вспышка прочертила границу, надломив сознание. И она подумала о том, что самоубийство будет самым благоприятным выходом. Сейчас она уже в состоянии владеть своим телом. И у нее достаточно сил, чтобы поставить точку. Она знала, как сделать это правильно. Она готова принять смерть. Мерзавец не получит больше удовольствия от этих издевательств.

Жаль, что столь насыщенная и полная перспектив жизнь прервется так рано. Убить это тело, которое вынесло столько боли и все еще держится за жизнь, было преступлением, но она все же решилась.

– Прости меня, боже, – произнесла Сатин и поднесла нож к руке.

Но когда лезвие вошло под кожу и кровь потекла тонкой вязкой струйкой, боли не последовало. Она проделала то же самое со второй рукой. Нож издал тихий звон, выпав из руки. Закрыв глаза, она стала ожидать конца.

* * *

Во мраке раздавались тихие всхлипывания ребенка. Сатин приблизилась и узнала в маленькой девочке себя. И в ней проснулось сильное желание защитить ее.

* * *

Сатин открыла глаза. Все та же серая стена.

На руках зияли порезы, натянутые знакомой засохшей слизью. Судя по размеру двух кровавых лужиц, она потеряла не так много крови. Странно: порезы достаточно глубокие, чтобы даровать ей вечный сон. Неужели она все еще жива? Или это еще одно видение из череды повторяющихся кошмаров?

Она посмотрела на свое измученное тело. И в этот момент ее охватила волна ненависти. Ненависти к своему мучителю. Всем своим естеством она возненавидела убийцу. Где-то глубоко внутри вспыхнуло желание жить. Желание спасти это изувеченное, но все еще *живое* тело. И гнев придал храбрости.

Видимо, молитва, выстояв бесконечно длинную очередь, дошла наконец до Бога. И Бог оставил ее в живых, вложив ей в руку ключ к спасению. Бросив взгляд на нож, она представила, как вонзает лезвие в мерзкое лицо. Да! Она сделает это.

Сжимая нож, Сатин села возле металлической двери. По телу пробежала дрожь от одной только мысли о побеге. Она еще раз подумала о дороге, по которой проносились машины. Нужен шанс. Спасение так близко.

Просидев в ожидании несколько часов, Сатин поняла, что чувство тревоги вернулось с новой силой. Она остро осознала свою беспомощность перед убийцей.

«Да, он выше... сильнее меня. Психи всегда сильнее нормальных людей. Их сила в безумии. Что ж... Я тоже уже частично обезумела. И готова на все, лишь бы спастись».

Но сколько ей придется еще ждать? Выхода нет. Она будет ждать, пока он не вернется. Это единственный шанс.

Свет погас.

В темноте голову стали наполнять голоса, которые вскоре перешли в стоны, крики и дикий рокот. Она сдавила уши, поджав к себе колени.

И вскоре Сатин выпала из реальности. Ее вновь забрал туман.

* * *

Сатин охватила дрожь ненависти, которая, подобно бурному терновнику, разрасталась в ней. Ярость шквалистым ветром трепала комок напряжения внутри. И эта буря придавала сил.

«Я больше не боюсь! Я не боюсь ни смерти, ни тем более этого ублюдка! Я выберусь отсюда любой ценой, даже ценой собственной жизни, но не сгнию здесь, как этот байкер. Я расквитаюсь с этим уродом и со всеми, кто причастен к гибели моего отца! Я не знаю, что ОН со мной сделал, но зато знаю другое – пусть злоумышленники потратят все свои силы, чтобы я не выбралась отсюда. Я уничтожу их всех! Пусть я и помешалась рассудком, раз набрасываюсь на трупы и пью их кровь. Возможно, это от обезвоживания... Да и плевать! Сейчас на кону самое ценное – моя жизнь. И я буду держаться за нее любой ценой!»

Устремив глаза к потолку, она произнесла:

– Боже, помоги мне... Спаси меня. Я знаю, ты слышишь меня... Знаю, я была полной идиоткой. Но я прошу у тебя прощения!

«Этот псих позаботился обо всем. Поэтому выход остается один. Эта железная дверь. Но как его одурачить? Притвориться мертвой? Тогда он ко мне подойдет, и я вонжу в него этот нож. Затем побегу так быстро, как смогу. Но он настолько силен и проворен, что, скорее всего, поймает меня еще до того, как я успею добежать до выхода... Если вообще не закроет дверь и не проглотит чертов ключ... А что, если он не один?»

Она уперлась взглядом в серую стену и замерла, продолжая непрерывно смотреть вперед. Живот то и дело сжимался, издавая жуткие звуки.

От трупа исходил резкий запах фекалий и мочи. Его кожа приобрела пурпурно-серый оттенок. Мужчина умер с гримасой ужаса на лице.

Сатин стояла над мертвецом. Медлить нельзя! Она бросила нож на его живот, схватила за ноги и потащила в комнату. За телом протянулась кровавая линия.

Расстояние между двумя дверьми составило каких-то семнадцать шагов.

Оставив тело на том месте, где провела часы в мучительном ожидании, Сатин не удержалась и написала кровью на стене «Burn in HELL, BASTARD!». Бросив гордый взгляд на творение гениальной мысли, она еще раз осмотрелась и вышла, прикрыв дверь.

«Убийца закрывал на ключ дверь в комнату. Но затем следовал звук от задвижки. Значит, другая дверь закрывается на щеколду».

Оказавшись у второй двери, она вскарабкалась почти до самого потолка, упершись спиной и локтями в стены. Затем застыла и принялась ожидать изверга...

Значит (боже, позволь ей спастись!), если он зайдет в ту комнату, у нее будет несколько секунд, чтобы убежать. Если он, конечно, не закроет металлическую дверь. Надежда на спасение заглушала удушающее отчаяние.

В полной тишине раздавалось предательское урчание в животе. Сатин продолжала вслушиваться в пространство. Повисла напряженная тишина. Если этот монстр не успеет обнаружить ее присутствия, пока будет заинтересован тем, что находится в комнате, у нее появится шанс.

Сатин надеялась на те спасительные секунды, в течение которых должна будет оказаться за дверью. Удастся ли закрыть ее? Она готова драться. Готова дать отпор. По телу разливалось онемение.

Выхода не было. Ей придется во что бы то ни стало придерживаться этого плана.

На нее то и дело накатывал страх.

– Я смогу... я смогу... я смогу... – твердила она.

Убийца не заставил себя долго ждать. В наступившей тишине пленница различила приближающиеся шаги.

Сатин сжала челюсти, чтобы изо рта случайно не вырвался нервный вскрик. Ее охватила дрожь до самых кончиков пальцев, с которой она была уже не в силах бороться. Изверг приближался к двери. Раз, два, три...

«Ни единого звука! Ни единого звука!» – твердила она себе.

Последовал скрип. Дверь открылась. Существо вошло и направилось к красной линии.

Четыре, пять... Сатин вдавилась в стену с такой силой, что, казалось, еще немного – и раздастся предательский хруст.

Шесть, семь, восемь... «Еще немного. Умоляю!»

Девять, десять... Тишина.

Одиннадцать... Убийца остановился.

Забыв о собственном физическом существовании, Сатин замерла, боясь шелохнуться. Все закружилось перед глазами. Лицо дрожало.

Она спрыгнула. Нож, заткнутый за пояс, выпал, издав пронзительный звон, и отлетел к тому месту, где испустил дух его владелец.

Сатин бросилась вперед и успела схватить оружие, когда перед ней оказался монстр.

– Нет! – крикнула она и взмахнула ножом. Ей в лицо брызнула черная немного теплая кровь. Ледяной страх окатил ее с ног до головы, придав невиданную силу.

Быстрым рывком *девушка* оказалась за дверью и успела задвинуть засов.

Тварь со всего размаха ударила по обратной стороне железной преграды, разделявшей их теперь, и принялась скрести по металлу своими острыми когтями.

Упав на колени, Сатин тряслась от шока.

Последовала тишина.

– Получи, убудок! – крикнула она, приподнимаясь словно на чужих ногах.

В узком темном коридоре раздавался слабый треск. Гудела коробка генератора.

Сатин обернулась и увидела в тусклом свете, что лился из приоткрытой двери, деревянные ящики. Один из них был открыт. Приблизившись, она обнаружила землю. Землю, которой была перепачкана ее бледная кожа. И перед глазами пронеслись кошмары, где ее хоронят заживо, засыпая комьями земли.

«Больной псих. Наверное, ОН собирался порубить тела на кусочки и раскидать останки по этим ящикам».

От могильной тишины в сердце закрался страх. Она направилась к черной двери. Рядом была еще одна. Стоял гнилостный запах сырой земли. Сатин дернула за ручку, но дверь не поддавалась.

Она продолжала из последних сил бороться со страхом. Но выхода не оставалось. Ключ от черной двери был либо в соседней комнате, либо остался за металлической дверью. Но если и так, то мысль о том, что они вдвоем сгниют в этом бункере, больше утешала ее, чем расстраивала.

Толкнув соседнюю дверь, Сатин увидела небольшую кровать. На длинных гвоздях рядом с дверью висела мужская одежда, под которой в несколько рядов лежали поношенные ботинки. К стене были приставлены рулоны клеенки не менее 5 футов в длину.

До ушей доносились дикий рев и скрежет. И хотя засов был достаточно крепким, Сатин испытывала ужас от яростных попыток чудовища сломать дверь.

Ключи оказались в кармане одной из курток. Ура!

Она замерла, подумав о том, как быстро они поменялись ролями.

Бросившись к черной двери, Сатин быстро с ней справилась и поспешила закрыть за собой. Теперь ее с убийцей разделяла уже не одна преграда.

Лестница, освещенная лунным светом, вела наверх.

Глава VI. Ночь первая

Не осознавая до конца, день сейчас или ночь, Сатин не переставала бежать. Вроде была ночь, но такая светлая и яркая, настолько насыщенная красками, что была сравнима с ранними сумерками или предрассветными часами. Небо озарял каскад горящих звезд. Оно просто полыхало от яркого света. Неужели ей все это снится? И она сейчас все еще лежит без сознания в подвале, а тот изверг издевается над ней? Нет, все было реальным. Она чувствовала ветер, касающийся ее кожи, волос, одежды. Ощущала жар будто горящей под ногами земли. Все чувствовала, как никогда, чрезвычайно сильно и тонко. Тело, подобно сверхчувствительному радару, вбирало в себя каждую вибрацию жизни. И она уже не сомневалась в спасении.

Она бежала так быстро, что у нее должно было бы заколоть в бок. Голые ножки едва касались асфальта, от которого исходил запах обожженной резины. То ли земное притяжение играло с ней, то ли тело стало по-детски легким. Сатин не понимала, с чем было связано это невероятное ощущение, из-за которого она не чувствовала веса собственного тела и сил, удерживающих его. Слово летела ее душа, разрезая белой вспышкой ночную завесу. То, что она переживала сейчас, было несравнимо ни с чем другим. Более острое, более пугающее, чем что бы то ни было.

С лица наконец-то спала маска дикого отчаяния, и оно осветилось победной улыбкой. Да! Ей удалось обмануть смерть! Пройти по краю бездны и вернуться обратно. К жизни! К свободе! Пусть даже она пожертвовала телом, но ей удалось убежать из обители боли, где обезумевший садист держал ее неизвестно сколько.

Пережитый шок приумножал остроту восприятия.

Раскинутое над ней сапфировое небо с его мерцающей звездной пылью было настолько безграничным и близким, что создавалось впечатление, будто небосвод с секунды на секунду обрушится на нее. Да что с ней происходит? Зрение не поддавалось командам мозга, а произвольно фокусировалось на чем-то, выхватывая из пространства то трепещущую на ветру сухую листву, то мельтешивших в траве мышей и прочих существ, то пролетающую мимо птицу с крапчатым оперением. Пронесся вой койота, который казался невероятно близким, хотя сам койот находился за несколько миль, далеко за холмами. Ко всему этому прибавился рокот пролетающего самолета – от его грохочущих турбин дрожало небо.

Психопат держал ее неподалеку от шоссе. Но где именно, она не понимала. Местность была незнакомой и лишенной каких-либо ориентиров. Впереди показалась автозаправка. Сатин бежала изо всех оставшихся сил. Она должна позвонить в полицию!

* * *

– Люблю я ночную смену, – разговаривал по телефону продавец в магазинчике «Food Mart». Из трубки в ответ доносился потрескивающий мужской голос. – Да ладно тебе! Сижу, бью баклуши. Пытаюсь досмотреть «Техасскую резню». Только чаще надрываю живот, чем...

Дверь распахнулась, и перед Джоном предстала *девушка*. Ее худое тело, запачканное грязью и субстанцией, похожей на кровь, напомнило ему жертв из новостей, которых закапывают заживо, а те в силу обстоятельств выживают. Парнишка застыл с телефонной трубкой в руке, потеряв дар речи.

– Что это за шоссе?

Испуганный парень продолжал тарашиться на *девушку*, которая будто сошла с экрана, пока он смотрел ужастик. Она закрыла лицо рукой, шурясь от света.

– I-80, N-я миля, – наконец произнес он.

– Звоните в полицию! – крикнула она. – Звоните в полицию!

В ослепительном свете ламп блестели тонкие струйки пота, что стекали по его коже, покрывшейся мурашками. Она слышала, как отчеканивает удары его сердце. Оно гнало через себя горячую, насыщенную адреналином кровь. Сатин не удержалась от мысли о ее соленом вкусе, она как будто знала ее вкус, к которому примешивался слащавый аромат туалетной воды и фруктовой жевательной резинки.

Парень трясущейся рукой набирал 911. Он сделал несколько шагов назад, словно прочитав мысли стоящей в дверях *замби-девушки*.

Сатин услышала первый гудок, как будто трубка телефона была поднесена к ее лицу. Она сделала два шага вперед, продолжая прикрывать глаза от яркого света. В трубке раздался треск первых слов:

– Главное управление департамента полиции Сан-Франциско. Дежурный офицер Мак-Кинли слушает.

– Ал-ло, оф-ф-фицер... – запинаясь, бормотал паренек.

Сатин не выдержала и, подлетев к прилавку, словно фурия, выхватила трубку с силой взрослого мужчины.

– Офицер, это Сатин Харрис! Меня удерживал психопат в бункере недалеко от шоссе. Мне удалось сбежать, закрыв его там... – она перешла на хриплый крик.

– Мисс, мисс, успокойтесь, – раздался резкий голос, и она отдернула трубку от уха. – Вы сейчас в безопасности. Назовите ваше местоположение.

– Заправка на N-й миле шоссе I-80. – Она еще сильнее стиснула телефонную трубку. Пульсирующая артерия на шее парня заглушала голос офицера.

– Оставайтесь там. Скоро подъедет патрульная машина. – Последовал гудок.

Она чувствовала, как пьянеет от близости живого человека. Треск пластика и прерывистые гудки на секунду отвлекли ее.

Протянув треснувшую трубку испуганному парню (да, именно так выглядит неприкрытый ужас), Сатин не спешила разомкнуть пальцы. Она припала взглядом к его коже, под которой ключом бил источник жизни. Она почувствовала, как стали напрягаться мышцы, подготавливая тело к молниеносному броску.

«Эта шероховатая кожа, словно персик... сочный... сладкий... Он так и просит, чтобы его попробовали. Так хочется стать частью этого одурманивающего тепла... хочется ощутить это тепло в себе...» – говорили ее глаза.

Парень нечаянно коснулся ее руки, и та разжалась, словно капкан. Раздалось жуткое урчание в ее животе. Или, возможно, в его. Она уже частично потеряла связь с реальностью. Отведя глаза, Сатин спросила:

– Где у вас туалет?

– В... в... т-том... уг-глу, – продолжая запинаясь, промямлил паренек, показывая пальцем в дальний угол. Он прижался спиной к стене.

Покачиваясь, словно в сильном подпитии (наверное, так он о ней и подумал), Сатин торопилась скрыться в дамской комнате, унимая мысли о нежной соленой коже, под которой бежит горячая сладкая кровь. Войдя в туалет, поспешила закрыть дверь. *Она теперь всегда будет закрывать за собой двери*. Сатин все еще продолжала прикрывать глаза от яркого света ламп. Уперевшись руками в раковину, пыталась успокоиться и отогнать от себя ужасные мысли.

Открыв кран, она припала пересохшими губами к струе и стала ненасытно поглощать шипящую воду. Но, сделав два глотка, почувствовала легкую тошноту и остановилась.

«Скоро будут полицейские. Успокойся! Успокойся! Тебе нужно в больницу!»

Умыв лицо, она взглянула в широкое зеркало. И от увиденного ее обессиленное сознание пошатнулось. Она сожмурила глаза на несколько секунд и вновь открыла. За мрачной завесой знакомого образа на нее смотрело незнакомое лицо.

Некогда угловатые черты были искажены, сглажены, за счет чего ее лицо стало идеальным овалом. Разрез глаз тоже был изменен, они стали значительно шире. Скулы были приподняты. Форма губ осталась прежней, но нос был удлиннен. Подбородок был закруглен и незначительно срезан. Выпуклый лоб стал гладким и более высоким. Идеальное лицо *порттили* лишь слегка заостренные уши, смещенные вверх. *Это* лицо со слишком правильными линиями было одновременно и своим, и чужим. Ведь за его красивыми чертами скрывалось что-то лютное, потустороннее.

«О нет! Нет!» – стучало в ее мозгу.

Подставив руки под поток воды, она принялась в панике умываться. Затем сильно зажмурилась и снова посмотрела в зеркало.

– Что за бред?! Это все какая-то шутка? – Ее голос надломился, в нем звенела зловещая истерическая нотка. – Значит, я все еще в том подвале... А если нет, то как такое возможно?!

Сатин открыла рот. За острыми клыками прорезались новые зубы через заросшие лунки. Что было тоже невозможно.

Девушка топнула несколько раз по полу и была уже готова ударить рукой по раковине, но замерла.

– Кто ты? – обратилась она к отражению.

Аккуратное личико с точеными линиями оставалось неподвижным и смотрело на нее, словно изучало. Но как такое возможно? Она попала в лапы к сбрендившему пластическому хирургу? Сатин знала женщин, которые добровольно ложились под нож ради красоты. Потом эти несчастные неделями пили через трубочку и говорили разве что краешком рта – не один месяц. А она провела в том подвале уж точно не больше месяца. Неужели за это время ее тело изменилось до неузнаваемости? Или прошло гораздо больше времени, чем она думает?

Приподняв кофту, она ужаснулась своей худобе и отсутствию родинки, что находилась прямо по центру живота. Ее кожа была бледной, на ней проступали сосуды.

Она приподняла край одежды еще выше, чтобы посмотреть на грудь, которой, по-видимому, тоже лишилась, как вдруг раздался стук в дверь.

– М-мисс, полиция уж-же под-д-дъехала... – Слова парня прозвучали, как запись на зажеванной пленке.

Даже через дверь она слышала, как бьется, словно у напуганной птахи, его сердце. От этого мысли снова притупились жаждой. Но стоило его шагам стихнуть, как Сатин опять обрела над собой контроль.

Закрыв кран, она обратилась к отражению.

– Так! Соберись! Необходимо отправить убийцу за решетку! Потом все остальное!

Полицейские уже брали показания у парня. Собирая в гудящей голове беспорядочные мысли, она поспешила к ним.

– Мэм, это вы вызывали полицию? – серьезным голосом спросил первый полицейский, который был ниже и плотнее своего напарника. Он обильно источал запах пончиков и кофе. Его зрачки слегка расширились, но взгляд оставался бесстрастным. Видимо, работа в полиции наделила его поразительным самообладанием. Сатин боялась того, что потеряет контроль над собой и своими мыслями, которые лишали ее дара речи и толкали на весьма странные поступки.

– Да, – произнесла она пока еще твердым голосом.

Его напарник с красным обветренным лицом, от которого несло кислым мускусом вперемешку с табаком, заметил:

– Что-то вы не слишком похожи на мисс Харрис. – Он перевел взгляд на экран планшета с фотографией девушки. Типичный полицейский. Только не хватает зажатой в зубах сигареты. Пока он продолжал сравнивать, его напарник тоже сканировал Сатин взглядом с ног до головы. Но по выражению его лица было видно, что он все еще думал о недоеденном пончике.

Ей и самой было трудно поверить в то, что с ней происходит, не то чтобы объяснить.

«Время идет! – кричали глаза Сатин. – Каждая секунда на счету! Убийца может найти выход и сбежать! Что же им ответить, чтобы эта болтовня не затянулась надолго?! Почему так всегда с винтиками бюрократической системы? Они начинают закидывать дурацкими вопросами, вместо того чтобы поднять задницы и просто сделать свою работу! Насколько бюрократия разлагает общество! Будто их задача (да и весь смысл жизни) сводится к тому, чтобы отсидеть положенные часы. Имитация работы на фоне бумажных замков! Эта Сатин Харрис или не эта... Позже будете устраивать свои допросы! Ловите маньяка, идиоты! Абсурд какой-то! Придется уговаривать полицейских арестовать уже пойманного убийцу!»

Неожиданно приступ ярости ее отпустил. Почти забыв о пережитом ужасе, Сатин видела перед собой лишь теплое существо, в которое слились два служителя закона. Она стояла перед ними, словно маленькая девочка, случайно потерявшаяся в общественном месте. Ветер кидал из стороны в сторону тяжелые от грязи локоны.

Яркий свет от мигалки хлестал по глазам, вводя в еще большее замешательство.

Наконец, они направились к машине.

Сатин перевела взгляд на полицейского с лоснящимся круглым лицом.

– Давайте поскорее поедem и арестуем этого поддонка! Это место совсем близко! По дороге я вам расскажу, почему не выгляжу как Сатин Харрис. – Последние слова стоили ей ужасного усилия.

Второй полицейский, удерживая на ней сверлящий взгляд, открыл заднюю дверцу машины.

– Простите, офицеры, – произнесла она, – а вы хорошо вооружены?

– Нет, мэм, – подмигивая напарнику, ответил первый полицейский. – У нас только пара дубинок и очень добрые сердца.

– Рада, что такие серьезные парни не теряют чувства юмора перед поимкой вооруженного психопата, – заметила Сатин, садясь в салон, откуда ей в лицо ударила волна перегара, смешанного с сигаретным дымом и прочими запахами тех, кому довелось сидеть в полицейской машине.

– Чем он вооружен? – поинтересовался второй полицейский.

– Нож, пистолет. И куча инструментов для пыток.

Мужчины обменялись строгими взглядами, и она заметила, как их кожа стала покрываться бусинками пота. Пульс у обоих участился.

Машина, оставив за собой столб пыли, выехала на дорогу.

Внутри салона, как и положено, была установлена металлическая решетка. Что немного успокоило Сатин.

Зашипела рация.

– Нам потребуется подкрепление. По словам потерпевшей, Сатин Харрис жива. Скоро будем на месте. Да, судя по всему, этот тип тот еще психопат. Похоже, что с кем-то обращались в детстве крайне жестоко.

Салон машины по концентрации едких запахов был сравним разве что с наркоманским притоном. Да и вспотевшие тела полицейских стали источать одурманивающий жар, который за считанные секунды опьянил Сатин. Она вновь ощутила, как теряет контроль над своим напрягшимся телом. А сухой врывающийся в салон воздух из окна лишь усилил проснувшийся голод. В ее голове пронзительно завывала сирена, заглушившая собой все остальные звуки. И лишь скрип мятной жвачки, которую старательно гонял во рту первый полицейский, удерживал ее на месте. Второму не выдержал и закурил сигарету. Он недовольно вздохнул сквозь зубы, готовясь осадить ее чередой новых вопросов.

– Ну, так вы скажете, где звонившая нам Сатин Харрис? И кем являетесь вы? – Его одышка явно была результатом большого количества выкуренных сигарет и выпитых пинт пива.

Сатин всегда придерживалась следующего правила: при вранье не вдаваться в детали. Как говорится, дьявол кроется именно в них. А ведь незначительные детали могут так много рассказать... Она прокручивала в голове варианты ответов, смотря на струйку дыма, танцующую на краю горячей сигареты и ускользающую за опущенное стекло.

– Она у него в том подвале! – Ее отчаянный взгляд метался от одного полицейского к другому. Зачем она соврала?

Служители закона опять переглянулись.

– А вы тогда кто? – спросил полицейский, не выпуская изо рта сигарету. Из его покрасневших ноздрей вырывался дым.

Она слышала его слова через завесу тумана.

– Я... – протянула она, не слыша себя. – Мне удалось убежать. – Последние слова эхом отдавались в ее мозгу.

– А зачем вы представились чужим именем? – более твердо спросил первый полицейский.

Сигарета шипела, догорев до самого фильтра и уже обжигая пальцы второму.

Сатин уставилась в окно, чтобы не пропустить то самое место, отмеченное неказистым деревом, что раскинуло кривые ветви у края дороги.

– Вот это место! – вскрикнула она, указывая на возвышенность, увенчанную сухим колючим кустарником.

Свистящие звуки в голове стали невыносимо громкими. Еще немного – и ее голова расколется от них.

Машина резко остановилась, оставив черные полосы от шин.

– Мэм, сидите здесь, – обернувшись, сказал второй полицейский.

Он достал из кобуры пистолет и вышел из машины.

– А куда вы ЕГО посадите? Надеюсь, не рядом со мной? И когда будет подкрепление? Он же психопат! Он там еще одного человека убил! Мужчину лет тридцати.

«Пульс участился. Опять этот соблазнительный жар. Но почему он на меня смотрит с таким выражением, будто я сумасшедшая? Я ведь жертва, которой удалось убежать. И то, что пережитый шок сказался на моем рассудке, это само собой разумеется. Да какая разница, что он обо мне думает? Главное – они сейчас „упакуют“ этого мерзавца...» – пролетело у нее в голове.

Первый полицейский замолк и отер лоб салфеткой (по всей видимости, оставшейся от пончиков). Его жирные волосы прилипли к вискам, взмокшим от испарины. Серые глаза глядели неотрывно во тьму, брови были неподвижны.

– Мэм, сидите здесь, – произнес он более низким голосом и проследовал за напарником, который освещал фонариком дорогу, ведущую в адский бункер, издали представляющий собой невысокий холм.

Сатин видела, что они уже у входа. Второй полицейский, направив вперед пистолет, уже спускался вниз по лестнице. Его напарник шел следом.

Сидя как на иголках, она удерживала взгляд на входе и вслушивалась в пространство. Каждая секунда их отсутствия отзывалась тупым ударом где-то глубоко внутри.

Не совладав со страхом, Сатин открыла дверцу и пересела вперед.

Взяв трясущейся рукой рацию, она повернула выключатель до щелчка и произнесла:

– Помогите, прошу!

Как вдруг она увидела, что свет от фонарей полицейских, пронзая тьму, проходит белыми пучками сквозь щели. Далее следует лязг засова. Дверь со скрипом медленно открывается. В

образовавшемся проеме оказывается полицейский с лоснящимся лицом. Он не успевает сделать шаг вперед, как его хватают когтистые руки и утаскивают во тьму. Его напарник бросается к выходу. Но он не успевает добежать до лестницы, как его настигает та же участь.

Сатин, парализованная волной ужаса, сидела в салоне полицейской машины – едва заметная точка где-то на пустынном ландшафте. Она продолжала сжимать в руках рацию. Губы шептали заветное «помогите». Вдруг свист остановившейся машины вернул ее к реальности. Она обернулась.

Подняв облако пыли, рядом остановился черный кадиллак. У Сатин была секунда на выбор – закрыться в машине или бежать. Она бросила взгляд в сторону подвала.

Ее одновременно охватили ужас, сострадание и отвращение. Перед глазами, причиняя почти физическую боль, все еще стояла страшная картина борьбы отчаяния и жажды жизни.

Рация зашипела. *Девушка* успела прокричать: «Помогите! Помогите!» – когда резкий удар окунул ее во тьму.

Глава VII. Знакомство

– Мне долго еще ждать ответа? – спросил мужчина в строгом костюме. Но его слова прозвучали скорее как утверждение, чем как вопрос.

– На каком основании меня задержали? Кто вы?

– Здесь вопросы задаю я! И я не получил на них ответов.

– Я отказываюсь отвечать на них без присутствия моего адвоката, – осадила его Сатин.

Перед ее взором все еще висела мутная завеса. Яркий свет слепил и доставлял дискомфорт. – Какую организацию вы представляете? Вам известно, что вы удерживаете меня незаконно?

БАХ! Мужчина обрушил тяжелый удар на железный стол, разделявший их. Сатин отпрыгнула, будто удар пришелся по ней. Ее глаза расширились и потемнели (зрачки полностью заполнили радужную оболочку).

Теперь она отчетливо видела резкие черты его узкого лица.

Удерживая на оппоненте испепеляющий взгляд, она подалась назад, прижавшись спиной к изогнутой спинке стула. Мужчина, наоборот, наклонился к ней. Он ее пугал и был неприятен. Что-то ужасающее было в его облике.

Положив руки на стол, он вцепился в нее злыми глазами, еще ближе наклонился и прошипел:

– Из-за тебя погибло уже достаточно человек. Так ты скажешь или останешься верна своему сиру? – В его голосе звучал металл.

«Что за абсурд!» Она едва сдерживалась, чтобы не сорваться, но здравый смысл подсказывал, что если расскажет в деталях все как было, то окончательно возьмет на себя вину за убийство байкера. Ведь его труп гарантированно подтвердит ее причастность. Так поступить она не могла.

– Поверить не могу! Это какой-то розыгрыш?! – усмехнулась Сатин и окинула комнату беглым взглядом в поиске камер.

Мужчина принял независимую позу и прищурил глаза. Она слышала удары его сердца и ощущала напряжение в его теле. Что-то ей подсказывало, что это не представитель закона, так как он был больше похож на еще одного бандита и при всей своей суровости казался каким-то отстраненным.

В замкнутом пространстве повисла тяжелая пауза. И Сатин направила все свои внутренние силы на сохранение невозмутимого вида.

Разорвав занавес тишины, он бросился в ее сторону, словно цепной пес:

– Розыгрыш, говоришь?! Через полчаса наступает рассвет. Я тебя самолично вытащу на крышу и полюбуюсь, как ты там заговоришь!

– Даже если вы будете держать меня на краю небоскреба, я не смогу поддержать столь странную беседу. Более продвинутые службы используют детектор лжи в подобных случаях. Я не понимаю, в чем вы пытаетесь меня обвинить! – выпалила Сатин.

Она еле сдерживалась, чтобы не выплеснуть на мерзавца полный чан ругательств, когда дверь открылась и в комнату вошел еще один *мужчина* в сером костюме (только на тон темнее). Тоже какой-то странный. Он был высок. Стеклянные глаза с темными кругами зияли на его бледном лице. На мизинце левой руки блеснул золотой перстень с печатью.

– Почему у Сатин Харрис такой встревоженный вид? – острые глаза незнакомца вонзились в нее.

Услышав собственное имя, она еще сильнее напряглась. Вошедший казался невозмутимым, только слегка озадаченным.

– Сэр, я...

– Оставьте нас!

Предыдущий тип поспешил удалиться. Вошедший принес с собой широкий бумажный конверт и, приоткрыв его, посмотрел на Сатин глубоким испытывающим взглядом, от которого по ее телу стало разливаться забытое чувство комфорта и безопасности. Будто его плотоядный взгляд касался самого дна души. На мгновение он показался ей весьма привлекательным. Но при этом она про себя отметила, что незнакомец явно упивается чувством собственной значимости, раз принял столь педантически-серьезную позу. На вид ему было чуть больше сорока. Ее поразило это лицо, словно выточенное из белого камня. Его застывшее выражение с благородными чертами напоминало слепок лица героя Древней Греции. Оно несло в себе исключительно мужественные черты. Да и в том, как он держался, говорил и двигался, улавливались поистине королевское достоинство и грациозная легкость, с которой скользит по пескам змея.

Он присел на еще не остывший стул, не разрывая зрительного контакта с Сатин, которой она стойко выдержала. Незнакомец смотрел на нее потемневшими глазами с намерением, которого она не могла понять. В ее же глазах, словно мотыльки, билась искра ярости, а в голове толпились всевозможные вопросы, под которыми лед молчания моментально треснул.

– Вы думаете, что модный костюм и дорогая стрижка меня напугают?

– Надеюсь, что нет.

На мгновение она отвернулась и вновь посмотрела ему в глаза.

– Мне жаль, что вам пришлось пережить такое, – ровным голосом произнес *мужчина*, словно разговор шел не о ней.

– Жаль?! – вмешалась она. – Да ни черта вам не жаль! Почему со мной обращаются так, будто я совершила политическое преступление или нечто более ужасное?! Какого черта я здесь вообще делаю?! Если вам неизвестно, то у меня на глазах зверски убили отца! Чертов маньяк издевался надо мной в чертовом подвале черт знает сколько времени! Посмотрите, что он сделал со мной! Я реально нахожусь на грани помешательства! Мне нужна помощь врачей, психотерапевтов! Дайте мне телефон! Мне нужно позвонить!

Она удивилась своей смелости. Поток слов вырвался сам собой.

– Боюсь, это будет лишним, – все тем же бесцветным голосом произнес тот, кто сидел по другую сторону стола.

– Я вас не понимаю, – произнесла Сатин, словно громом пораженная.

Он легким движением кинул ей развернутый конверт, из которого по гладкой поверхности стола разлетелись фотографии.

Воздух потускнел. Ледяная лавина прошла сквозь нее, пронзая тело множеством острых осколков. Глубокая трещина на месте сердца приоткрылась и сжалась.

Сатин отшатнулась назад, коснувшись снимков потерянным взглядом. Судороги свели застывшее в ужасе лицо. Она скривила губы и едва слышно произнесла:

– Нет. Нет... – Она слабо трясла головой, продолжая смотреть на рассыпавшиеся фотографии.

Ближе всего к ней оказалась фотография со служанкой Розой, которая лежала в холле с зияющей дырой во лбу.

Сатин отвернулась, прикрыв рот рукой и с трудом сдерживая крик. Ее глаза наполнились мутной черной водой и стали больше похожи на глаза инопланетного существа, чем на человеческие. Тело кровоточило изнутри, болело и сжималось.

Спрыгнув со стула, она повернулась лицом к серой стене и хриплым, срывающимся голосом, которого не узнала, потребовала:

– Уберите! Уберите все это!

Раздался шорох бумаги, а затем – легкие удаляющиеся шаги.

Прозвучали слова, которых Сатин уже не слышала.

Металлическая дверь закрылась, и все погрузилось в мертвую тишину.

Глава VIII. Рыбка в темной воде

Сатин сидела в каменной неподвижности, уткнувшись лицом в колени. Она устремила стеклянный взгляд куда-то в пространство, заключенное в очередных пустых стенах. Сглатывая слюну, она отсчитывала промежутки времени, отмеченные странными звуками и беспорядочными видениями, что были заполнены мертвыми телами на фоне пустошей и лесов, сменяющихся реками и городами. Перед внутренним взором мелькали деформированные, искривленные картины. *Девушка* никак не могла отделаться от этих навязчивых кошмаров. Не справившись с наваждением, она стала ходить кругами по комнате, пытаясь сосредоточиться на деталях того рокового вечера.

Последним, кого она помнила, был мистер Андерсон. Этот прилипчивый персонаж стал центральным звеном раздумий.

«Он явно что-то подкинул в мой бокал, когда красиво имитировал свою неловкость, – думала Сатин. – Потом меня отвезли к тому заброшенному зданию, где тварь убила отца. Все было подстроено. И тот тип – один из причастных к убийству моей семьи».

* * *

Ее глаза уже смутно различали, где реальность, а где сон.

Сатин лежала на кровати с металлическим каркасом в окружении серых стен. Комнату наполнял приглушенный свет.

«У меня теперь ничего нет. От Сатин Харрис остались кожа и кости. Даже голос стал каким-то чужим. Более низким и хриловатым. Что внутри меня? Что под этой кожей? Пустота. Ничто. „Ничто“ в коже Сатин Харрис. Я теперь подневольный уродец, который ждет оттянутого конца...»

Она рассматривала свое тело. На месте серпообразного шрама не осталось ни швов, ни каких-либо следов от операции.

В коридоре послышались тихие шаги.

Она закрыла глаза и притворилась спящей. Дверь открылась, и в комнату кто-то вошел. Сквозь ресницы она увидела блестящие черные ботинки и темно-серые брюки.

Это был тот *мужчина*, который сообщил ей трагическую новость. Он был в том же костюме стального цвета. Под его бледной фарфоровой кожей виднелись синие сосуды, по которым медленно текла холодная кровь.

Он направил на нее свои глаза, до того полные разочарования, что она задрожала.

– Как вы себя чувствуете?

Как у него это получалось? Его бархатный голос мягко касался ее израненной души. Он по-своему обнимал и успокаивал ее. Наверное, он был психологом или кем-то вроде того? Его пронизательный взгляд уже приоткрыл дверь ее разума и ждал, когда она сама подтвердит его догадки.

– Как вы себя чувствуете? – вежливо переспросил он с явным британским акцентом.

Ее черты заострились. Глаза смотрели строго. Взгляд невольно упал на его рот. Как было неестественно видеть *человека* с такими странными зубами.

– Где я? – Она отстранилась в нерешительности. – Если надо мной будут проводить очередные опыты, подвергать психологическому прессингу, то, прошу, лучше убейте.

– А вы как считаете? Каким опытам вы подверглись?

– Боже! И вы тоже участвуете в этом водевиле? Вам это доставляет удовольствие? Заваливаться сюда в своем чистеньком костюмчике и с самодовольной физиономией. Устраивать игры, которые вы находите интересными. Думаете, вам это все сойдет с рук? Издеваться над беззащитными людьми? Если так, то вы такой же монстр, как и тот, кто сделал это все со мной! И вы также не уйдете от правосудия! Можете резать! Бить! Колоть мое несчастное тело... – Резким движением она развела руки в стороны. – Но знаете? В том вонючем подвале я утешала себя мыслями, как прикончу сукиного сына. Так что имейте это в виду, когда будете в очередной раз выбирать себе костюмчик в тон настроению.

Мужчина молчал, рассматривая Сатин. Его лицо, казалось, слегка побледнело, но не отразило каких-либо эмоций.

– Раз вы сегодня здесь, может, ответите? Что со мной сделала эта тварь? – Она прищурила глаза, стараясь разглядеть незнакомца во всех деталях. – Все вокруг в каких-то странных цветах. От света режет глаза. Я слепну?!

– Скорее наоборот.

– Что вы хотите этим сказать?

Дверь приоткрылась.

– Максимилиан, как некстати, – произнес *мужчина*, не оборачиваясь на скрип.

В комнату вошел высокий блондин с вихрем взъерошенных волос на голове, то ли сбритых в произвольной манере, то ли выпавших, то ли выдранных в нескольких местах. У него были большие (словно у эльфа) уши, искривленный нос и полные губы. Одет в несуразную белую рубашку с глянцевым блеском и не менее странные штаны. Но что больше всего не вписывалось в обстановку, так это его черные солнечные очки. А красные лакированные туфли делали фантасмагорический облик похожим на образ эстрадного певца.

«Кто его знает... возможно, он сейчас и запоет. Или это фрик? Хотя кого сейчас удивишь фриком? Да что здесь происходит?!» – кричали глаза Сатин.

– Вас было нетрудно найти по запаху зеленой краски. – Злобная усмешка скользнула по лицу вошедшего.

Каждое слово, произнесенное им, звучало по-разному. Словно несколько человек сказали данную фразу по заранее отрепетированной схеме. Отчего Сатин еще больше насторожилась.

– М-м-м, сколько удивительных оттенков в одном лице, – произнес блондин, приблизившись к ней.

– Просвети же мисс Харрис по поводу того, почему она здесь, – сказал *мужчина* в сером костюме. – Что с ней произошло?

«Вот кто точно не вписывается в обстановку. Неужели правду скажет именно он?» – подумала она.

Лицо блондина искривилось от подобия улыбки, больше похожей на судорогу.

– О... вы о столь дивных метаморфозах? Обожаю разбивать карточные домики одним грубым ударом. Тьма приняла деву в свои объятия. – Он сделал шаг, подойдя к Сатин совсем близко. – Твоим грустным глазам открылась беспощадная истина, ангелочек?

– Максимилиан, прошу тебя, – перебил его *мужчина* в костюме. – Прежде чем тебя унесет волной эйфории, сделай так, чтобы твои слова были исполнены здравого смысла... на понятном для нас языке.

Блондин с недопониманием бросил взгляд на него, затем на Сатин. И заявил:

– Дитя, тебя обратили.

Сатин смотрела на новое лицо в полном недоумении.

– Процесс почти завершен. – Блондин обернулся к *мужчине* в костюме. – *Кто-то* мне подсказывает, что она была подвергнута изменчивости, когда еще была человеком. Похоже, что искусник черпал вдохновение из мастерской боли. Видимо, к нам в руки попало неостывшее железо. Кузнец, наверное, в ярости. Украденное всегда слаще того, что получено честным путем. Но вернемся же к мисс Харрис... Ей сейчас очень трудно удерживать контроль над собой: того и гляди, угодит в лапы зверя.

– О каком процессе идет речь? – спросила Сатин.

– Назовем это инфекцией. Под влиянием *высшей* культуры на теле развиваются колонии микроорганизмов, которые трансформируют ткани и преобразуют земную оболочку в новую биологическую форму. Питательной средой для нее является кровь, которая из физиологической жидкости превращается в необходимый компонент. Поэтому хорошенько питайся и не перетруждай внутренние струны. Тебе необходимо употреблять в сутки как минимум десять унций крови.

– Что вы этим хотите сказать? Что я чертов вампир?

– Сородич, – добавил Максимилиан. – Мы предпочитаем употреблять набор таких звуков.

– В пластическую хирургию... трансплантацию я еще поверю. Но не в этот псевдонаучный бред!

– Как забавно у нее двигается ротик, словно у говорящей рыбки, пораженной вихрем первых ощущений. – Глаза блондина сверкнули, и он наклонился еще ближе к Сатин. – Закрой рот, рыбка, и наблюдай. Пока тебя не съели акулы.

– Допустим, я поверила в этот бред. Что вы собираетесь со мной делать? Пичкать кровью?

– Здесь так весело, что хочется умереть! – на повышенных тонах произнес блондин. – На этой лирической ноте я, пожалуй, предоставлю вас вашим теням. Позвольте *нам* откланяться. – Сделав подобие поклона, он направился к двери. Взгляд Сатин был прикован к несуразным движениям, с которыми тот так же бесшумно выпорхнул из комнаты, как в нее и вошел.

– И вы всегда меняете внешность?

– Нет.

– Тогда мне нужен новый паспорт, – усмехнулась Сатин.

Вампир молчал. Он отличался грациозными и в то же время сдержанными движениями.

– И много вас таких?

– Достаточно.

– Я могу вернуться к прежней жизни?

– Каждый так начинает. Приходится отказываться от того, что привычно, что кажется таким важным.

– Я хочу увидеть близких. Могут они хотя бы знать, что я жива?

– Хочешь, чтобы я сказал это вслух?

– Нет. – Она отстранилась. – Не хочу. Оставьте меня.

Сатин потупила взгляд. Она вспомнила байкера, который лежал на полу в подвале. И эта мысль пробудила в ней тайное сопротивление.

– Я заразна? Я могу кого-нибудь заразить этой болезнью?

И тут она заметила, что в комнате никого, кроме нее, уже нет.

Глава IX. Ночь вторая

– *Сатин, женщина должна быть слабой в правильном смысле этого слова*, – говорила миссис Харрис.

– *Быть ничем?! – возмущалась Сатин.*

– Сила женщины в ее женственности. Мягкости и гибкости, – продолжала миссис Харрис.

– Скажи это Джине Бартон. Или лучше Линде Ричардсон! На своем примере они обе показали, что успех и семейная жизнь очень хорошо сочетаются.

– Сатин, но ты же видишь только фасад. Не так давно Джина еле удержала своего мужа.

– Не вижу проблем при таком фасаде. Если мистер Бартон уйдет, его место недолго будет пустым.

– Да, это место обязательно займут, но только это будут не мужчины, а мужичинки! Наподобие твоих ухажеров, – с еще большим жаром твердила миссис Харрис. – Что ты так на меня смотришь? Увлекаешься всякими мерзавцами. Сколько достойных мужчин вокруг, с которыми можно построить крепкую семью. Так нет же! Тебе с такими, видите ли, скучно! Последнего я даже вспоминать не хочу. Та еще темная лошадка! Ты ведь такая умница, Сатин, но при этом хватаешься за всякое второсортное непотребство. – Миссис Харрис положила руки на плечи дочери. – Пойми, никто не ограничивает тебя в бизнесе, увлечениях, но обеспечить женщину жильем должен мужчина, а не наоборот. Как бы тяжело ему ни было. Женщина дана мужчине для роста. Ведь союзы распадаются именно тогда, когда партнеры не до конца понимают свою истинную природу и не хотят брать на себя ответственность. И чем больше они не понимают этого, тем сильнее страдают. Посмотри на себя. В погоне за миллионами ты из такой милой девочки превратилась в агрессивное хищное существо. Работашь целыми днями, без отдыха. Думаешь, я не знаю о антидепрессантах, которые ты принимаешь уже более года? Не говоря уже о том, что ты обросла массой других вредных привычек. Чего ты хочешь добиться?! Чтобы все в округе узнавали тебя по звону того, что у тебя скоро отрастет? Того, чего у женщин не бывает!

– Кто бы говорил. Ты, мама, тоже неидеальна. Как и ваша семейная жизнь.

– Как и этот мир. Но я, как твоя мать, желаю тебе простого человеческого счастья. Ты связалась с психотерапевтом, номер которого я тебе давала?

Сатин промолчала.

– Ведь мы только с возрастом начинаем понимать... что наша жизнь, по большому счету, состоит из незначительных вещей. И если мы не будем их ценить и радоваться им, то наша жизнь так и пройдет в ожидании призрачного чуда. Тебе хорошо бы подумать о создании семьи... детей. А ты несешься на всех парах в попытке обогнать мужчин. Что с твоей стороны просто глупо!

– А что, если мне не нужны дети?! И муж со своими требованиями и ограничениями? Я лучше буду жить для себя, чем умирать дома со скуки, как ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.